ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.
СКАЗКА
РУСИ БОГАТЫРСКОЙ.

ДИВО ПЕРВОЕ.

Илья Муромецъ сиднемъ сидитъ.

Благословите, братцы, про старину сказать...

Кирша Даниловъ.

Не подъ десницею боговъ безотвѣтныхъ, захожанъ спѣсивыхъ изъ странъ привольныхъ, полуденныхъ; не вдохновеніемъ стародавнихъ иновѣрческаго неба обитателей, которыхъ я и не зывалъ, а ты, быть можетъ, не докликался, хочу слагать, какъ подъ часъ водилося, повѣсти про житье бытье неправославное; русскимъ говоромъ, да не русскую рѣчь вести! — Нѣтъ, не стану я половы набирать

щепотками изъ подъ цѣпа чужаго, хоть бы съ току сосѣдняго; не стану опрѣсноки мѣсить пополамъ съ мякиною привозною, безъ дрозжей, безъ закваски доморощенной; — что прѣсно, то и приторно; оттого, простой народъ замѣчаетъ, господамъ большимъ не здоровится, оттого у нихъ на душѣ мутитъ, что больно прѣсно пьютъ да ѣдятъ, квашеной капусты не жалуютъ, тюри на квасу не полюбливаютъ, а ржанова хлѣба у нихъ зубъ не беретъ!

Русское–ль небо ссѣлось, воды–ль усохли ключевыя? Просторъ ли земли русской загромоздился? Красное–ль солнце остыло, померкъ ли Божій свѣтъ, аль ужъ сами мы на людей не стали похожи? Народиться–ль ясному соколу тѣсно, аль расходиться негдѣ? Умомъ ли разумомъ, думою–ль своею хвораетъ онъ, крылья–ль острыя тенетами дурости изопутаны, аль очи лучистыя тускомъ туманнымъ заволочены?

Волга глубокая рѣка! и тихій, ясный Донъ, и ты, быстрый Днѣпръ! вы течете, а

объ васъ помину нѣтъ! Вы, родные наши, словно пути столбовые, чрезъ долъ и лѣсъ изворотами пролегаете — словно жилы исполинскія пажити земли родной утучняете — словно перси матери сырой–земли, чадъ своихъ млекомъ и медомъ упояете; а объ васъ помину нѣтъ!

Волга глубокая рѣка, и быстрый Днѣпръ, и тихій, ясный Донъ! помяните же вы сами себя, стариной тряхните мохнатою, развернитесь, порасходитесь сѣдою бывальщиною: у меня давнымъ давно языкъ зудитъ и душа наружу просится, молодцамъ–атаманамъ правду–матку повысказать хочется. Нѣмы нѣмцы за горами, нѣмы рыбки подъ водами; меня же надѣлилъ Творецъ: хлѣбомъ насущнымъ, глаголомъ изустнымъ.

А скучно, атаманы молодцы, рыбкою безгласною подъ водою гулять; сталъ бы, ногъ спохватившись, на–ноги — анъ ноги нѣтути; подперся бы рукою избоченившись — и руки нѣтъ; молвилъ бы брату нарѣченному слово привѣтливое — языка не доищешься; а башка широкая на

туловищѣ словно приморожена: шеи нѣтъ, и креста повѣсить не на что! то–то горе мое горькое, моя люта бѣда!

Улыбнулася рѣка Волга глубокая, посылаетъ меня на Оку рѣку, что пришла на Волгу матушку подъ Нижнимъ городомъ, повыше города Макарьева, а пониже Балахны городка. Пойдемъ, атаманы–молодцы, на Оку рѣку, слушать рѣчи говорливыя. А Ока рѣка, слышь, шопотомъ рѣчь ведетъ: вы съѣзжать ее у гребенскихъ казаковъ поучитеся: вы въ травѣ идите съ травою вровень, въ водѣ съ водою; чтобы сбруя не брякнула чеканная, чтобы шашка по головку въ ножнахъ сидѣла кожаныхъ; чтобы въ колпакахъ пистоли за–поясомъ, и пищали съ рожками въ мохнатыхъ нагалищахъ, и копыта обвиты соломою, и стремена онучами; чтобы кони ваши удила закусывали и ржать ни меринъ, ни жеребчикъ не посмѣлъ, самъ какъ вода бѣжалъ, изъ милости копытцемъ муравы досягалъ; — чтобы сотня въ сотню словно вихоръ мчалась, чтобы гулъ простоналъ, а топота и тушканчикъ и землеройка въ норѣ

не послышали! Кто съ гребенскою сотнею на споръ пойдетъ, чуткимъ ухомъ станетъ прислушиваться, какъ травка–муравка ростетъ, какъ изъ колѣнца колѣнце пускаетъ, изъ ячейки въ ячейку сотъ переливаетъ — тотъ, молодцы, подслушаетъ со мною Оку рѣку говорливую!

А что, люди добрые, кто знаетъ куда дѣвалася на Руси православной сила богатырская, а родится нынѣ одинъ народъ малосильный, малокалиберный? То ли дѣло, сказываютъ, старина святая! Бывало ребятишки годовалые съ парней съ нашихъ; парнишко плохонькой съ нынѣшняго нижегородскаго остолопа; а побойчѣй который, такъ семи пяденей во лбу, да въ полтретья обхвата бедро... а дѣвчонки–подросточки, сказываютъ, поздоровѣй да позадорнѣй нынѣшнихъ невѣстъ засватанныхъ; а невѣсты засватанныя... да что и поминать старые поминки? нынѣ по бѣлу свѣту хоть помеломъ помети; оно правда, не сверстникамъ въ укоръ, а дѣдамъ въ похвальбу, да внучатамъ въ урокъ; ну, да вѣдь нынѣ народъ извѣстно

какой: ино осмѣютъ, ино и вѣры не дадутъ; а кабы поспрошать сходить къ дѣдушкѣ Днѣпру быстрому, онъ бы намъ былъ поразсказалъ бывалую про богатырей своихъ: глядите, какъ бушуетъ въ тѣсныхъ берегахъ, мокру, что лунь бѣлу, голову отряхиваетъ, сѣдой усъ въ завиткахъ разглаживаетъ, самъ шумно глагольствуя свои же рѣчи невнятныя да своимъ же ревомъ заглушаетъ! Да нѣтъ! не прислушивайтесь, братья хлѣбосольные; со мною, не съ вами онъ мудрую рѣчь ведетъ; а вы не знаете по нашему! Сказуетъ онъ, поминаетъ спросонья старину, да и старину не запамятную:

Отъ самаго красна солнышка князь–Владиміра, стали богатыри именитые во землѣ русской появляться: Добрыня Никитичъ, и Чурило Пленковичъ, Алеша Поповичъ и Потокъ Михайло Ивановичъ, и многое множество иныхъ, побивавшихъ локтемъ на–отмашь несмѣтныя полчища вражескія. А жили они, богатыри тѣ, по дикимъ дебрямъ, по лѣсамъ гуляли, на просторѣ по землѣ глухой, ни мѣряной, ни

межеваной, одну только службу служить часомъ ко двору приходили княжеску. Бывало, загадаетъ князь–солнышко, государь много–ласковый, про того ли, про другаго, онъ тутъ и есть; а службу отслуживши, грады отстоявши, Полкана избивши, Горынича змѣя погубивши, поклонъ князю, а самъ и былъ таковъ, пошелъ на просторъ проминаться, по бѣлу свѣту слоняться. Когда же сталъ народъ русской рости числомъ, а не святостью, насылалъ Господь, прогнѣвавшись и моръ и засуху и кары разныя, и стали они, малый и великій, и князь и холопъ, жить промежъ собою во враждѣ и усобицѣ, дѣлить и межевать земли и участки свои: въ тѣ поры и богатырямъ тѣмъ стало тѣсно и душно на бѣломъ свѣтѣ; донимали ихъ со всѣхъ концевъ, не одинъ такъ другой, и ушли они, не захотѣвъ съ князьями своими ни миритися, ни тягатися, въ дремучіе лѣса днѣпровскіе, что нынѣ слывутъ бѣлорусскими, и срубили въ бору дикомъ, глухомъ, непроходимомъ, по надъ яромъ крутымъ, свой богатырскій городокъ, и

положили межъ собою такой зарокъ, чтобы никого, опричь себя, на бѣломъ свѣтѣ не знать, и съ людьми во землѣ русской не водитися.

И случись, на ихъ грѣхъ, на нашу бѣду, отшельнику, постнику и сухоядцу, который бывало круглый годъ на тощакъ ничего въ ротъ не беретъ, придти позднею порою къ тѣмъ богатырямъ захожимъ и попроситься переночевать. Отказалъ по зароку одинъ, отказалъ другой, и пятый и десятый, словомъ, никто святого отца не призрѣлъ, не накормилъ. Тогда постникъ благой и сухоядецъ, прошедъ все селенiе отъ конца до конца, остановился во гнѣвѣ неукротимомъ у послѣдней избы богатырской, оглянулся назадъ, предалъ проклятiю хозяевъ нехлѣбосольныхъ, и оборотилъ ихъ всѣхъ до одного въ медвѣдей, а избы богатырскiя въ берлоги.

Съ той поры въ тѣхъ лѣсахъ живутъ богатыри во образѣ животныхъ; походка у нихъ человѣчья, съ руками они, съ ногами, и всей плюсной и пятой, какъ мы грѣшные, ступаютъ, слѣдъ человѣчiй покидаютъ; и

сила въ иномъ такая, что не стыдно бы чествовать богатырскою, и думу, говорятъ, какъ засядетъ, думаетъ онъ богатырскую, да не подъ силу языку много–грѣшному слово вымолвить: горе мое горькое, моя люта бѣда! стыдно станетъ сердечному, онъ очи въ землю, да и въ лѣсъ уйдетъ!

Такъ, православные, всякая земля, всякой вѣкъ, своимъ добромъ и славенъ и красенъ. Нынѣ шленскіе бараны, путивельскіе телята, холмогорскіе быки; нынѣ арзамасскіе гуси, ростовскіе каплуны, сафьяны казанскіе, свѣчи вологодскія, табакерки вятскія, смушки решетиловскія; нынѣ московскіе калачи, валдайскія баранки, пряники вяземскіе, калужское тѣсто, постила коломенская, огурцы нѣжинскіе; а старая Русь богатырями похвалялася именитыми. Нынѣ и Муромъ калачами пригожъ, а Кіевъ вареньями, а лѣса бѣлорусскіе медвѣдями; не стало богатырей на землѣ православной!

А кабы притчу эту тихій Донъ подслушалъ, Донъ Ивановичъ, чуткимъ ухомъ своимъ, такъ бы онъ, не то, чтобы

вслухъ, а про себя, молвилъ бы дядѣ своему, тому ли Днѣпру быстрому: «есть и нынѣ, дядя, на Руси, есть у бѣлаго Царя души богатырскія, что задунайскихъ бусурманъ и иныхъ прочихъ заморскихъ земель нѣмцевъ не честятъ и пяткою копія, а нагайкою больно бьютъ...» А Яикъ, золотое дно, серебряна покрышка, шопотомъ придакнулъ бы, а самъ на море, на Хвалынское, по севрюгу, по осетра да по бѣлугу.

Выйдемъ, братцы–атаманы–молодцы на Оку рѣку, что на Волгу пошла: она, никакъ, прямо угодить не угодила, такъ околицей попала; а изъ Серпухова ей не для чего было на Рязань идти, ей попутнѣе бы, кажись, на Муромъ прямо трактъ держать. Такъ ужъ за дѣломъ ли, за бездѣльемъ на Рязань пошла, а Мурома миновать не приходится; ей въ Муромѣ не быть, такъ и на свѣтѣ не жить!

Муромъ, Муромъ городокъ, поглядишь, и весь–то съ локотокъ, а старинушкой, матерью Русью, припахиваетъ!

Станьте, братья хлѣбосольные, на песчаномъ, на правомъ берегу Оки–рѣки, супротивъ самаго Мурома: — передъ вами Ока рѣка, а за нею берегъ муромскій крутой горой; на горѣ стоитъ, развернулся, вытянулся лентою Муромъ городокъ: онъ красуется святыми храмами, золотыми маковками. Храмъ соборный во имя угодниковъ Февроньи и Петра; монастыри Троицкой, да Князя Константина; полѣвѣе Мурома, повыше на Окѣ рѣкѣ съ походомъ на двѣ версты, стоитъ село Корочарово; въ Корочаровѣ дворовъ сотъ пять; церковь во имя Троицы Святой; мужички зажиточные; на Окѣ рѣкѣ мужикъ нужды не знаетъ; хлѣбецъ хлѣбомъ, а тѣмъ да симъ промышляетъ. Корочаровцы коноводами до Нижняго ходятъ, по Окѣ рѣкѣ на баркахъ водоливами, отвѣчаютъ за течь, за изъянъ, берутъ денежки съ купцовъ и съ прикащиковъ.

На горѣ усадьба стоитъ, барскій дворъ, хоромины въ два, не то въ три жилья, и не княжія да гожія. На затонѣ, еще полѣвѣй,

село Панфилово, и стоятъ четыре мельницы.

Не машутъ крыльями, задремали Панфилова четыре мельницы, и Ока рѣка не шелохнется; потянулися къ затону вереницы быстрыя: гуси, утки летятъ, бѣлы лебеди; потянулися по небу синему, потянулися по стеклянной по Окѣ.

Выплываетъ изъ села Корочарова лодочка, машетъ веслами широкими, что валдайскій колокольчикъ подъ дугой гудитъ, голосистый парень на ней пѣсенку поетъ.

Поровнявшись въ полпути до Мурома со часовенкою пророка Иліи, ни поетъ, ни гребетъ, святый крестъ кладетъ; шляпу бурую, пояркову сымаетъ — на ней лента чернобархатная, за пряжкою перо павлинье — головой тряхнувъ, онъ русы волосы, въ кружокъ подстриженные, оправляетъ, шляпу правою рукою надѣваетъ, яснымъ голосомъ опять выноситъ, самъ подхватываетъ, заливается, самъ гребетъ, по Окѣ рѣкѣ на Муромъ городокъ спускается.

А вы знаете ли, братья хлѣбосольные, что подъ тою часовенкою, во имя пророка Иліи, живой, студеной ключъ бьетъ, и что ключъ этотъ выступилъ изъ подъ копыта коня богатырскаго Иліи, по прозванію Муромца, когда онъ, отстоявъ заутреню въ Корочаровѣ, поспѣшалъ къ вечернѣ во Кіевъ градъ, да заѣхалъ въ Муромъ, святой Троицѣ Единосущной поклониться, и далъ первый ускокъ богатырскій отъ села Корочарова да въ полпути до Мурома?

Не пустословить хочу, православные, старину помянуть бывалую, говорить сказку про Илію богатыря, про Муромца. Сказка то, что сказуется; что было да прошло, поѣхало да ушло; прошедшаго не воротишь, изжитаго не переживешь; — чего нынѣ у насъ нѣтъ, то и сказка; что старина, то и диво; что диво, то и сказочка; что притча, то и присказка; — что въ глазахъ примоталося, поговорочка; а быль: хлѣбъ да соль на столѣ, да краюха насущная въ рукѣ.

Въ старину ли въ тоё было въ православную,

Когда ласковый Владиміръ князь вѣнецъ держалъ,
Князь солнышко, государь много–милостивый,
Поилъ медомъ пьянымъ, поилъ пивомъ бархатнымъ,
А живалъ въ теремахъ тесовыхъ, рубленныхъ,
Подъ стрѣхою досчатой, да хлѣбосольною —
Какъ, бывало, кладеныхъ палатъ и слыхомъ не слыхать —
Не красна углами изба русская, да пирогами красна;
Когда съ нѣмцами на Руси въ задоръ не пускалися,
Хоть и чванились подъ часъ, да имъ не кланялись;
Умницы красныя русы косы свои заплетали,
Молодые парни въ кружокъ волосы подстригали,
Жили нынѣшнихъ полтора вѣка припѣваючи:

Молодцами плечистыми, на отборъ хоть мосты мости,
Дѣвицами красными хоть сады, цвѣтники сади,
Въ тѣ поры, на Окѣ рѣкѣ, въ Корочаровѣ,
Проживалъ мужичекъ Иванъ Тимоѳеевичъ
И съ хозяюшкою вѣрной Ефросиньей Яковлевой.

Иванъ Тимоѳеевъ съ супругою своею живучи состарѣлись, а племенемъ потомственнымъ ихъ Господь не благословилъ. Было, правда, у нихъ дѣтище единое — да что же, стыдъ сказать, грѣхъ утаить, а пути въ немъ и на волосъ не видали. Если сказать испортилъ кто, такъ старуха Ефросинья Яковлева была жена богомольная и знала всякое повѣрье и обычай; она новорожденное до крестинъ за порогъ не переносила и даже никому, кто живой на селѣ былъ, на глаза не показывала; а сама, что ни взглянетъ на него, то плюнетъ и оботретъ, что спеленаетъ, то за носъ потянетъ. Старики, да и самъ дядя Фока, дьячекъ корочаровскій, правда, знали дѣло про

себя, да помалчивали. Ивана Тимоѳеева отецъ, а дѣдъ сына его, калеки, согрѣшилъ предъ Создателемъ беззаконіемъ своимъ, и покаранъ былъ въ колѣнѣ третьемъ.

У старика, у Тимоѳея, въ ночи со страстной субботы на Святую, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, родился внукъ, да и сидитъ безъ недѣли тридцать лѣтъ сиднемъ сидячимъ, ѣстъ хлѣбъ у отца у матери, поклоны кладетъ, а ногъ не разогнетъ, да хоть и въ баню не носи, не распаритъ, и зелье и заговоръ ихъ не беретъ!

Тимоѳей ушелъ на покаяніе въ Кіевъ; постригся, сказываютъ, пріявъ со схимою нарѣченіе Иларіона. — Тридцать лѣтъ, говорю, минетъ скоро, а внуку Ильѣ легче нѣтъ:

Сидитъ онъ Илья сынъ Ивановичъ,
За грѣхи дѣда своего беззаконные,
Сидитъ сиднемъ сидячимъ безъ недѣли тридцать лѣтъ —
Сидитъ съ твердой вѣрой, со смиреніемъ;
Кромѣ молитвы присной, слова не вымолвитъ,

Изъ подъ себя, родясь, ноги не вытаскивалъ,
Подъ собою, на печи сидя, онъ яму протеръ;
По зарямъ шепотомъ молитвы начитываетъ —
Только знать и видать, что борода съ головой —
А поклоны кладетъ, словно въ воду ныряетъ,
Грѣшнаго дѣда въ молитвахъ своихъ поминаетъ.

ДИВО ВТОРОЕ.

Илья Муромецъ встаетъ.

А вѣдомо ли вамъ, разудалые мои, съ чего на Руси поговорка взялась *ни къ селу, ни къ городу*? отъ сказки моей, да отъ присказки. Когда сталъ дѣдъ мой, не то бабка твоя, сватъ Демьянъ, впервые сказывать сказку про Илью Муромца, да помянули, по моему, городъ Муромъ, село Корочарово, да еще и Панфилово — и

слушалъ сказку эту острякъ тупогубый, у котораго словцо съ языка, что свинцовая пуля съ петли, срывалося — такъ онъ и пустилъ имъ, бабкѣ твоей, либо дѣду моему, скандочка съ язычка, что вы–де братцы приплели Панфилово *ни къ селу, ни къ городу*. И подѣломъ ей, коли бабкѣ твоей; торгуй мужикъ пшеницей, бабка чечевицей — не ей богатырскія сказки сказывать, ей бабьи пѣсни пѣть, да калачи мѣсить.

А мастерица была покойница, — ублажи Господь память ея, и утѣшь душу ея, — къ слову молвить, калачи–тѣ печь: бывало, поставитъ три, а вынетъ одинъ; а ужъ пирожокъ–то спечетъ, такъ и корова не ѣстъ! Бывало и ребята смѣются: у бабки–де осиновый пирожокъ съ мозжевельничкомъ! Она затѣяла какъ–то спечь на святую куличъ, а дома какъ у доброй хозяйки, муки пшеничной ни горсточки. Пристала къ сожителю: поди хоть украдь у сосѣда, да принеси; чтобъ была мука. «Дура», отвѣчалъ старикъ докучливой хозяйкѣ своей: «увидятъ такъ узнаютъ!» — Не бось,

говоритъ бабка, — я такой спеку, что хуже ржанаго будетъ, никто не угадаетъ! — Покойница у большихъ господъ мамкой служила, да и выкормила козленка; а родомъ была она, никакъ изъ села Помелова, изъ деревни Вѣниковой... Ну, да не въ томъ сила, сватъ, у кого дѣдъ твой служилъ мамкою, а въ томъ, что помянулъ я каковъ нынѣ городъ Муромъ, село Корочарово, да еще и Панфилово; и помянулъ не то, чтобы больно кстати, а просто, какъ на яву увидать пригодилося; — да не сказалъ, что было въ нихъ, о ту пору, какъ сидѣлъ великій князь Владиміръ на престолѣ кіевскомъ, Соловей разбойникъ на девяти дубахъ во лѣсахъ черниговскихъ, а Илья Муромецъ на печи въ Корочаровѣ. А въ тѣ поры, православные, не знаю, что въ городѣ, а на селѣ, безъ малаго развѣ, что и нынѣ; мужички бородачи; у кого клиномъ борода, у кого лопатою; у кого топоромъ, у кого вилами да рогатиною — кабы борода мужика не грѣла, разудалые мои, такъ бы всѣ они давнымъ давно на Руси повымерзли? а и пуще того въ старые

годы: бывало, Морозъ Снѣговичъ въ гости пожалуетъ, такъ и завалитъ село съ лѣсомъ вровень; однѣ трубы дымятся, да макушки сосенъ виднѣются; народъ подъ снѣгомъ, словно крыса въ подпольѣ, копышется, кряхтитъ, да повертывается. А лѣсъ, въ ту пору, особь статья, ужъ не нынѣшнему чета. Кто про муромскіе лѣса по наслышкѣ не слыхивалъ? Отъ самой околицы, да во всѣ четыре стороны, на полдень, на полночь, на закатъ, на восходъ, сплошь, по край земли русской, да густой, темный непроходимый!

И Ока рѣка споконъ–вѣку таже, только что помоложе была, побыстрѣе, да побогаче, правда, противу нынѣшняго, рыбою. Ока рѣка, въ старину незапамятную, Волгѣ прислужилася, и за это ее Волга жаловала и почитала, и сестрой было называть стала; да потомъ, какъ сваха не впопадъ хуже татарина, такъ Волга ее и разлюбила и разжаловала.

Волга, глубокая рѣка! быстрый Днѣпръ, и ты, тихій, ясный Донъ, Донъ Ивановичъ! тряхните стариною мохнатою,

поразвернитесь, порасходитесь–ка вы сами о себѣ сѣдою бывальщиною!

Дѣло, старики сказываютъ, было вотъ какое:

Волга, русская дѣвица, на свѣтъ народилася въ полпути отъ Новагорода до Твери, Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, на озерѣ Селигерѣ. Пріодѣлася она умница, пріумылася, — и вотъ, къ слову молвить, съ чего на Руси поговорка взялась: какъ пріодѣнется дѣвушка, да пріумоется, такъ хоть водицы испить, — и пошла она на Ржевъ. По сосѣдству, Смоленской губерніи, промежъ Сычевки и Бѣлаго, отдыхалъ въ тѣ поры, въ осокѣ зеленой, удалъ доброй молодецъ, прозывался онъ: Днѣпръ быстрый. Онъ проснулся, встрепенулся, назадъ оглянулся, самъ передвинулъ шляпу съ уха на ухо, глядитъ: дѣвка, горожанка спѣсивая, отъ него отворотилась, пошла, въ кокошникѣ золотомъ, на Тверь, и знать его не хочетъ!

Призадумался удалый молодецъ, къ Дорогобужу подплываетъ, — ретивое

крѣпко его забираетъ. «Поди», говоритъ онъ сестрѣ названой, Окѣ рѣкѣ свѣтлоокой, «посватай ты за меня Волгу рѣченьку глубокую; полюбилъ я высокогрудую — тѣсно одному на свѣтѣ жить, тошно безъ нея мнѣ горемычному; я припасу ей ложе широкое, и русло раздольное; я сокрушу на пути пороги каменны, пойду искать простора и нѣги дѣвицѣ моей, на море русское, на широкое.»

И пошла Ока рѣка, утица сѣрая, Днѣпру быстрому, гоголю сивому, хохлатому, сестра названая, угодила на Волгу глубокую подъ Нижнимъ городомъ, что повыше города Макарьева, а пониже Балахны городка.

Плыветъ Волга лебедушка годовалая сизая, сама охорашивается, шейку чванно гнетъ и головку закидываетъ, чистой струйкой умывается. Плыветъ она, сама призадумалась дѣвица, отъ рѣчей свахи Оки рѣки, утицы сѣрой, бѣлоголовой, сама умница головку клонитъ, сама на Казань пошла — глядь — и тутъ сваха, мордовка, Кама рѣка, вся въ шиткахъ, въ пронизяхъ,

въ бляхахъ, отколь ни взялась, изъ–за тридевять земель несетъ поклонъ: бьетъ челомъ, черезъ третьи руки, самъ Уральскій хребетъ, всѣмъ дѣдамъ дѣдъ, по Волгу шлетъ, по лебедушку бѣлую*) не за себя ее проситъ, за внука просватать хочетъ.

Призадумалась дѣвица, лебедушка сизая, отворотилась было на Самару, да одолѣло, знать, самоё ретивое; поворотила, на Сызрань взяла, на Хвалынскъ, на Волжскъ, на Саратовъ — поплыла въ ту сторону, куда Ока рѣка зоветъ къ брату названному. Коли съ мужемъ жить, такъ за своего выходить; землякъ чужаго милѣй; тетка Кама, коровайка зеленая, сватаетъ за молодца, за приморскаго кулика — да хороши бубны за горами; отдадутъ, пожалуй, за некрещеннаго татарина, за бусурманина хоросанскаго.

Подплываетъ въ раздумьи Волга глубокая къ Царицыну, отказавъ на отрѣзъ и другой свахѣ, что подъ Самарой городомъ отъ дѣдушки приходила. «Не хочу»,

---

) Годовалая лебедь сизая; честить ее бѣлою, тоже, что честить дѣвочку тринадцати, четырнадцати годовъ красною дѣвицей.

говоритъ, и головкой замотала и ручками личико закрыла бѣлое; «не хочу, не поминайте нелюбова мнѣ!»

Подъ Царицынымъ нагоняетъ Волгу лебедушку сирую родной, вѣрный братъ: нагоняетъ ее степной беркутъ, вольный Донъ Ивановичъ. Онъ кричитъ ей, сестрѣ родной, черезъ степь широкую, черезъ траву чернобыльникъ высокую, ковыль бѣлую волнистую: «Не ходи, сестра ты милая, родная, не ходи къ литвину невѣрному, тому ли Днѣпру быстрому; не вѣрь переметчику запорожскому; любитъ онъ другихъ дѣвокъ подоляночекъ, а тебя, сестру мою лебедушку сизую, обманываетъ! Покинувъ тебя, на Смоленскъ, на Оршу, на Могилевъ онъ ходилъ; двѣ сестры дѣвки изъ Литвы бѣлорусской сокрушили его; одна, старшая, Березина, пониже Рогачева; другая, младшая, Припеть, промежъ Кіева и Чернигова — а съ ними погулявши, обрилъ онъ голову, отростилъ оселедецъ, надѣлъ шаровары бархатные, сапоги красные строченые, поясъ шелковой, шапку

овчинную, отрекся отъ ляхитокъ, что сманилъ да покинулъ, самъ, не добѣжавъ до Кіева, еще и третью полюбилъ, Десну–дѣвицу, изъ подъ Сѣверска; а тамъ, прикинулся холостымъ казакомъ, бурлакомъ, гулякою, къ тебѣ опять пробирается, сталъ подъ Екатеринославлемъ, чрезъ Бахмутъ да Лугань прямо на Царицынъ глядитъ, — тебя къ себѣ сманиваетъ: — не ходи, сестра родная, милая, и тебѣ будетъ тоже, что ляхиткамъ, скоролеткамъ быстроглазенькимъ; я изъ подъ Тулы бѣжалъ, сестра, ногъ подъ собою не слышалъ, все тебя догонялъ, перенять торопился, чтобъ не дать тебѣ сгинуть со скобленымъ рыломъ, щепотникомъ, переметчикомъ, запорожскимъ казакомъ!»

Тогда Волга глубокая, лебедушка сирая, поворотъ крутой отъ Днѣпра колѣномъ дала, ударилась отъ Царицына да прямо на Астрахань: сама, сирота, заплакала пересудамъ людскимъ, на ручьи, рукава раздробилася, понесла кручину свою, слезы горючія на море, на Хвалынское;

тамъ, не думавъ, не гадавъ, жениха нашла суженаго: по ухваткѣ, по осанкѣ знать, что изъ подъ Гурьева казака яицкаго, внука дѣдушки кряжа уральскаго. Онъ слѣдилъ тихомолкомъ невѣсту–лебедушку, подстерегъ, да вплавь за нею, коли бродъ не беретъ! Съ нимъ–то она понынѣ живетъ припѣваючи, по мягкому дну колышется, студеной росою упивается, отъ Астрахани до Астрабада некрещенаго съ милымъ растилается!

А братъ родной ея, степной беркутъ, вольный Донъ Ивановичъ, простившись съ сестрою милою, поворотилъ своимъ путемъ къ пріемышамъ, да къ воскормленникамъ, прямо на Черкаскъ, да на Ростовъ; а Днѣпръ лайдакъ, запорожскій бурлакъ, смекнувъ дѣломъ, и самъ отъ него прочь колѣномъ крутымъ, на Херсонъ, да въ Лиманъ Днѣпровскій; нырнулъ и былъ таковъ. А Донъ Ивановичъ, засучивъ рукава, ринулся въ погоню за нимъ, на море, на Сурожское, что нынѣ Азовское. Плылъ онъ плылъ самъ не ѣлъ, не пилъ, до пролива Керченскаго доплываетъ, противъ

острова Тамани мокрую голову свою подымаетъ, самъ чуть плыветъ, по бокамъ глядитъ, отдыхаетъ. Тутъ въ лѣвѣ у него косы песчаныя, поляны, братскія, черноморскія — въ лѣвѣ и горы кавказскія; вправѣ у него грязи и горы крымскія — позади море и край родной — впереди синё и глубоко съ лихвою по самый свѣта край. Заглядѣлся онъ Донъ Ивановичъ, на разгульно море бездонное — изъ подъ лѣвой руки — глядь — птаха горская соколиной породы, бѣлый кречетъ, выпархиваетъ, Кубань–рѣка одинокая пробивается.

Обнялъ Донъ Ивановичъ суженую свою, Кубань рѣку, дѣвку горскую, казачку черноброву — и пошелъ съ нею въ глубь гулять необъятную и погоню бросилъ за бурлакомъ, быстрымъ Днѣпромъ.

А Днѣпръ гайдамакъ, холостой бурлакъ, одинокъ и понынѣ живетъ; съ хохломъ, съ Бугомъ побратался, самъ мотню подобравши, въ жупанѣ, въ свиткѣ, съ батогомъ долгимъ подъ берегомъ къ Дунаю чумаковать пошелъ — только его и видѣли;

ему по широкой, разгульной степи водяной, по морю Черному и слѣду не найдешь; — а сказываютъ старики, въ кружкѣ за горѣлкой сидя, что, коли видѣлъ кто, какъ море всклокочется, бѣлымъ ключемъ, что котелъ кипитъ, то, атаманы молодцы, это чумакъ гайдамакъ, быстрый Днѣпръ бурлакъ, потѣшается, галушки варить, да снѣдать собирается.

Такъ–то Волга глубокая, и быстрый Днѣпръ и тихій Донъ Ивановичъ, и Кубань рѣка одинокая, порубежная, и Яикъ золотое дно, серебряна покрышка, такъ–то и они встарь незапамятную братались и сватались, и браниться бранились, а на миръ слово покидали; такимъ–то побытомъ жили они въ старые годы, а никто, разудалые мои, намъ еще того не сказывалъ!

И мало ль, люди добрые, что въ старину бывало, да чего никто намъ доселѣ не сказывалъ! и мало–ль, братья хлѣбосольные, что и нынѣ есть, да чего никто намъ не сказываетъ! Такъ не попеняйтежъ, православные, что у меня

душа не стерпѣла, черезъ отбой затесалась, что я сказку про Илью Муромца сказуючи, старины прихватилъ незапамятной, ровно сонъ забытый; что разсказалъ дѣла стародавнія, потревожилъ память вѣковъ, вѣками заваленныхъ! Къ пиву ѣдется, а къ слову молвится; коли и вы что знаете добраго, да гожаго, про старину святую, говорите, разудалые, мы подсядемъ къ вамъ, мы васъ слушать станемъ, не переводя духа, принимать станемъ рѣчи ваши родныя, благодатныя, молча, какъ былинка пьетъ росу небесную! а вы, люди добрые, послушайте вы и нашихъ росказней, какъ старшій братъ слушаетъ меньшова, какъ настоятель братію слушаетъ смиренную, какъ одинъ добрый человѣкъ слушаетъ другова.

Сидѣлъ, на заговѣньѣ, у старика Ивана Тимоѳеева дядя Фока, дьячекъ корочаровскій, сидѣлъ труженикъ Аѳонасій, что по обѣту изъ за Волги въ Кіевъ шелъ, на богомолье, да еще кой–кто изъ своихъ: сидѣлъ кумъ со прикумкомъ, да ручной деверь Тимоѳеева, да два

пустосвата. Русской человѣкъ и встарь безъ родныхъ не живалъ. Стали они, за чарой зелена вина хлѣбосольнаго Тимоѳеича, за дубовымъ столомъ его, поминать Русь могучую, бывалую, сказывать дѣла богатырскія; выпили за здравіе живыхъ, стали наливать за упокой усопшихъ.

«Есть и нынѣ, у ласкова солнышка, князь Владиміра, богатыри именитые», таково слово принялъ дядя Фока, «есть Добрыня Никитичъ, примѣромъ сказать, что на бѣлый свѣтъ не рожденъ, а живой изъятъ изъ утробы матери — есть Алёша Поповичъ, изъ города казачьяго, изъ Ростова, что снялъ съ калеки перехожаго, да надѣлъ на себя лапотки семи шелковъ, подковырены чистымъ серебромъ, да побилъ Тугарина Змѣевича, шелепугою въ пятьдесятъ пудовъ — Тугарина, сына Змѣевича, что живьемъ людей глоталъ, по шести человѣкъ на одинъ зубъ сажалъ; — есть Волхъ Всеславичъ, котораго молода княжна, Марфа Всеславична понесла отъ того ли отъ змѣя лютаго, что обвился

вокругъ чобота сафьяннаго, вокругъ ноженьки бѣлыя. — Волхъ Всеславичъ народился, дрогнула мать сыра земля, сотряслося царство индійское, сине море всколебалося — рыба пошла въ морскую глубину — птица поднялася въ поднебесье высоко — туры да олени за горы пошли — зайцы да лисицы по чащицамъ, волки да медвѣди по ельничкамъ, красный звѣрь по лѣсу красному. А и будетъ Волхъ въ полтора часа, и Волхъ говоритъ будто громъ гремитъ... Есть, сказываютъ, Василій Буслаевъ, что съ Новымъ–городомъ дружно жилъ, не перечился, а семи годовъ сталъ онъ шутки шутить, зачалъ народъ уродовать: кого, пьяный, возьметъ за руку, изъ плеча онъ руку выдернетъ; а кого задѣнетъ за ногу, то изъ бедра ногу выломитъ; выходилъ онъ съ цѣлымъ Новымъ–городомъ, не одинъ на одинъ, а стѣна–на–стѣну, одинъ на всѣхъ, на кулачный бой: билъ мужиковъ новогородскихъ сряду трои сутки; что рыжебородыхъ двоихъ за–бороды ухватитъ, да лобъ о лобъ пріударитъ —

только искры сыплятся, да черепки летятъ! Есть Чурило Пленковичъ; къ нему въ усадьбу, сказываютъ, самъ Великій Князь не разъ въ гости ѣзжалъ; не разъ и Чурило Кіевъ–градъ отъ Литвы спасалъ; есть дворянинъ Заолешанинъ — и многое множество иныхъ, сильныхъ и могучихъ; что на небѣ проглянетъ свѣтелъ мѣсяцъ, то въ Кіевѣ народится могучъ богатырь!»

— Есть, — молвилъ обѣщанникъ–труженикъ, — есть много молодцовъ у князя кіевскаго; будетъ за сто, будетъ на другое сто, дотянетъ и до третьяго. Съ ними жить, не кручинну быть; съ ними долго Руси стояти, съ ними Чудь бѣлоглазую и Литву сиволапую побивати. Да своя бѣда доморощеная, братія, коли Господь, прогнѣвившись шлетъ ее за грѣхи, за беззаконія наши, хуже чужой наносной; слышали–ль вы про такую бѣду, про такое чудище, каковъ Соловей разбойникъ у насъ проявился? А некому на Руси православной унять Соловья разбойника, что дорогу заложилъ промежъ Кіева и Чернигова, и ѣзды по той дорогѣ нѣтъ ровно тридцать

лѣтъ, и заглохла она словно дикой боръ. Соловей разбойникъ князю великому, варъ–у–сердца; знаетъ грудь одна княжая, да подоплека, сколько сбилъ Соловей Владиміру князю дней съ костей!

— Глашатаи, бирючи княжескіе, по землѣ русской разъѣзжали, кличъ кликали, на Соловья разбойника богатырей набирали. Отказалися всѣ богатыри на Соловья идти: рати тьму тьмущу не единожды побивали; въ одиночку, на силу несмѣтную хаживали; а отъ Соловья разбойника на отрѣзъ отказалися: такъ на роду, знать, у нихъ написано! И слышалъ ли кто про такое диво, братія христолюбивые?

— Соловей разбойникъ русскій мужикъ, а откуда родомъ да племенемъ, никому того не вѣдомо. Заложилъ онъ, говорю, дорогу промежъ Кіева и Чернигова, что конному и пѣшему, малу и велику, проходу, ни проѣзду нѣтъ; есть у него, у Соловья, во лѣсахъ черниговскихъ, есть свои палаты, притоны, становища разбойничьи. Туда со всей земли русской, бурлаки, разбойники

съѣзжаются и другъ другу вѣсти подаютъ, — въ нихъ, во палатахъ тѣхъ, жена и три дочери; а самъ онъ, разбойникъ, свилъ гнѣздо на девяти дубахъ; сидитъ, какъ словно ловчіе въ лѣсу на палати, медвѣдя стеречи, взбираются, сидитъ въ гнѣздѣ на девяти дубахъ, лѣвымъ глазомъ на Кіевъ глядитъ, правымъ на Черниговъ смотритъ; кого бы только на пути ни завидѣлъ, будь хоть за–девять верстъ, хоть за–два–девяноста, тотчасъ Соловьинымъ посвистомъ молодецкимъ его оглушаетъ, другимъ посвистомъ съ ногъ сбиваетъ, а за третьимъ до смерти убиваетъ, живота лишаетъ; — самъ же онъ, Соловей, невредимъ весь и всѣмъ тѣломъ своимъ, кромѣ одного только причиннаго мѣста: а причинное мѣсто у него лѣвый глазъ, что на Кіевъ глядитъ; онъ его, что попъ попадью бережетъ; въ немъ вся сила, покуда живъ — а въ смертный часъ Соловей разбойникъ, душу свою окаянную, не какъ мы грѣшные, дыханіемъ испуститъ, а изрыгнетъ лѣвымъ глазомъ своимъ. Кто же выстегнетъ съ разу Соловью разбойнику лѣвый глазъ, тотъ

смиритъ и побѣдитъ разбойника и въ полонъ возьметъ; а такъ никто не приступайся, и совладать съ нимъ не загадывай, не задумывай. — А гдѣ, слышь, выстегнуть, коли приступу нѣтъ ни съ тылу, ни съ лица; коли ни сохатому подойти, ни землеройкѣ подползти не даетъ, посвистомъ молодецкимъ съ лица земли, что осенній листъ, смываетъ!

«И не быть ему пойману, отецъ Афанасій, до скончанія вѣка?» спросилъ Илья Муромецъ, когда всѣ перекрестившись замолкли.

— А на–двое сказываютъ, — отвѣчалъ труженикъ. — Не письменный, черный народъ такъ гадаетъ, что низойти–де ему, Соловью, черезъ триста лѣтъ, антихристомъ, когда быть свѣтапреставленію; а дотолѣ сидѣть невредиму. А которые знаютъ книжное писаніе, такъ сказываютъ: сидѣть ему, Соловью, до поры, до времени, и сгинуть во славу русскую и въ память вѣковѣчную, даже до пришествія на Русь могучую самого антихриста; а про то, любомудрые,

отъ какого дѣла сгинуть Соловью, сказана есть, старцемъ единымъ, притча неразгаданная:

Надъ градомъ стольнымъ красное солнышко — подъ градомъ стольнымъ туча грозная — за стольнымъ градомъ, за тучею грозной, вихорь буйный, смерчъ притаился, въ засадѣ сидитъ.

А коли на тучу грозную не втравить смерча того, вихря буйнаго, — то градомъ изъ тучи той градъ и грады побьетъ.

А коли смерчъ тотъ встанетъ, на своихъ ногахъ пойдетъ, тогда онъ тучу грозную на себѣ унесетъ.

А смерчу тому и на ногахъ одному подъ тучу не слѣдъ ходить: коли жъ красное солнце ему на подмогу жаркимъ лучемъ блеснетъ, тогда и тучѣ грозной не сдобровать, не устоять противъ смерча могучаго.

И вотъ вамъ, православные, вся загадочка; а чему быть по ней, чему не бывать — про то Создатель вѣдаетъ; мы, люди грѣшные, темные, знаемъ только что видѣли, да у добрыхъ людей слышали.

А сколько въ неволѣ у него, у Соловья разбойника, народу православнаго, смѣты нѣтъ; князи и бояре за холопей служатъ, красныя дѣвицы рабынями, а ино и похуже того, что позору, сказываютъ, что сорому того беззаконнаго, что безчестья, что казны за нимъ пропадаетъ, что живота — а унять его на Руси некому; сидитъ онъ на гнѣздѣ, на девяти дубахъ, словно сидень Илья вашь на печи, съ посвисту валится малъ и великъ, приступа нѣтъ, ни способа!

Илья Муромецъ сидѣлъ на печи, брови насупивъ: не то дремалъ, не то думу гадалъ; — а услышавъ такія рѣчи затѣйливыя, подпершися локтемъ на правое колѣно, молвилъ: «А что, отецъ Аѳанасій, Соловей–то разбойникъ самъ собою каковъ? чай съ гору?»

— Чего съ гору, — отвѣчалъ Афанасій, — чернокнижествомъ могучъ, да нечистой силой, а самъ онъ, мужикъ, какъ мужикъ, и тотъ же человѣкъ, что и мы грѣшные. Такъ, покрайности слышно, свѣтъ; а видать его ктожъ видалъ? никому онъ на глаза не попадался.

«А дубы тѣ высоки?» спросилъ опять Илья, «неужто въ небо упираются? думается и стрѣлой не досягнешь?»

— Да на что это тебѣ, сынокъ? — сказалъ отецъ Иліи, глянувъ къ нему на печь, — не наше дѣло мужичье; дайте той рѣчи покой, добрые люди, упаси Господь и помилуй насъ грѣшныхъ и нынѣ и на вѣки вѣчные... что ты нынѣ, Ильюша, разговорился?

Илья надулся, брови насупилъ, голову повѣсилъ и замолкъ опять на цѣлые сутки. Шесть недѣль поста великаго чередомъ своимъ идутъ, одна за одной. Страстная наступаетъ, Воскресеніе Христово приближается — къ свѣтлому празднику народъ снаряжается — обѣщанникъ–труженикъ давнымъ давно уже, за хлѣбъ–соль, Тимоѳеичу откланялся, самъ началъ путь держать ко святому граду великокняжескому; велѣлъ ему старикъ Иванъ Тимоѳеевъ, отецъ Иліи, сидня нашего, за себя, за сына и за насъ грѣшныхъ, молиться, да наказалъ еще — кабы волей Господней свидѣться

пригодилося — отцу своему Тимоѳею, нынѣ схимнику, старцу Иларіону, за себя и за своихъ земные поклоны класть, наказалъ прислать, съ попутчикомъ, иноческаго и отческаго благословенія своего.

Илія сидитъ сиднемъ сидячимъ безъ недѣли тридцать лѣтъ, Богу Тресвятому поклоняется, отродясь постится, а скоромнаго куска у него душа не принимаетъ, лишняго словечка не выронитъ — сказаное слово серебряное, несказанное золотое — сидитъ, говорю, смиренно, да ожидаетъ грѣшной доли своей — терпи голова, въ кости скована!

Шесть недѣль поста великаго миновались и страстная наисходѣ. Люди, наканунѣ Свѣтлаго дня отстоять заутреню собираются, ночь на пролетъ стоять, не спать — а онъ, Илья, седьмую седьмицу досиживаетъ, глазомъ однимъ не прищурится, крохи насущной въ ротъ не беретъ, самъ отъ зари до зари тѣломъ и духомъ крѣпчаетъ, бодрѣе становится, самъ не вѣдаетъ, что съ нимъ творится, что

дѣется, а къ дѣлу великому излаживается, собирается.

Кто видалъ, аль можетъ хоть слышалъ, разудалые мои, какъ сокола яснаго ловчіе сокольничьи вынашиваютъ, ноги вяжутъ путцами, шестеры сутки ни ѣсть, ни спать не даютъ, изъ руки своей вабиломъ прикармливаютъ, къ напуску потѣшному излаживаютъ?

Илья шесть седьмицъ въ рукѣ сидитъ невидимой; знать она ему, соколу, путцы накинула, она его, яснаго, вынашиваетъ и прикармливаетъ, къ напуску крылья машистыя отращиваетъ!

Илья не спитъ, не дремлетъ, не во снѣ, на яву Соловья разбойника видитъ, свисту молодецкому внемлетъ. Онъ–то ему и спать и дремать не даетъ; отъ него онъ крохи въ ротъ не беретъ: сидитъ Соловей разбойникъ супротивъ него въ гнѣздѣ, на девяти дубахъ, шапкой собольей лѣвый глазъ прикрываетъ, самъ наудалую, закусивъ губу, отъ поры до поры посвистываетъ.

Наглядѣлся Илья на него, словно на односума своего; смотритъ на него ярыми

очами, изгрызъ бы его, искусалъ зубами — такъ рукой до него не дотянется, а ногамъ не подъ силу трехъ пяденей перейти; сидитъ, говорю, Соловей передъ нимъ, отбилъ ото сна, отъ ѣды, отбилъ отъ молитвы присной...

«Благословите, родители мои», молвилъ Илья отцу и матери, когда они собирались отстоять заутреню предъ Свѣтлымъ праздникомъ, «благословите, кормилицы мои, какъ придетъ пора моя, время великое, слѣзть съ печи, да потянуться; тридцать лѣтъ я сиднемъ сижу, даромъ у васъ, у родителей моихъ, хлѣбъ ѣмъ; отсидѣлъ я ноги свои рѣзвыя; и кому же я безъ ногъ на бѣломъ свѣтѣ пригожуся?.... И какъ же мнѣ, сиднемъ сидючи, Соловья разбойника поймать, и какъ его, людоѣда окаяннаго, въ торока ввязать? Сподобился я, сидень, до праздника страстнаго дожить и нынѣ сподобился я, калека, и нынѣ святыхъ таинъ причаститися; благословите же вы меня, отецъ и мать родимые, сами обще съ народомъ во храмъ Господень

ступайте, Свѣтлое Христово Воскресенье встрѣчайте!

Кто, православные, не ликовалъ въ срѣтенье Свѣтлому празднику? Кто не приносилъ ему, утру радостну, сокрушенное сердце свое на фиміамъ кадильный? кто не падалъ ницъ, изнемогая плотію, возносяся духомъ?

Въ корочаровской церкви троицкой, служба идетъ.

Кто живой на селѣ, кто въ приходѣ крещеный былъ,
Старъ и малъ, и внуки съ дѣдами въ ней столпилися,
Отстоять заутреню передъ Свѣтлымъ днемъ сбиралися.
Темь глубокая на дворѣ лежитъ о полуночи;
Со звономъ и пѣніемъ міряне обходятъ Божій храмъ,
Въ рукахъ у нихъ свѣчи горятъ воску желтаго….
Ждутъ вѣрующіе, скоро–ль чуду совершитися?

Скоро–ль быть порѣ, что придетъ время великое?....
И приспѣло: двери церковныя настежъ растворяются:
Христосъ воскресе! **— во всеуслышанье возглашается,**
Навзрыдъ зарыдавъ, православные ницъ попадали....
Трезвонный благовѣстъ огласилъ изъ конца въ конецъ село;
Илья сидень, крестъ сотворивъ, потянулся,
Всталъ; пошелъ, Христу Спасителю поклонился.

ДИВО ТРЕТІЕ.

Илья Муромецъ, промежъ заутрени и вечерни, изъ подъ Мурома въ Кіевъ поспѣлъ.

Есть поговорка у насъ: ***дураками свѣтъ стоитъ;*** **не вѣрьте, атаманы–казаки, молодцами свѣтъ стоитъ, а дураками тьма.**

Есть другая: ***умница и у Бога святъ;*** **«святъ, да не искусенъ», сказалъ тёзка**

Демьянъ, когда у сотника уральскаго, по третьему земному поклону, табакерочка нѣмецкая изъ запазухи выкатилась.

А живите–ка, братцы, какъ дѣды наши живали, дѣломъ, а не словомъ, плети тётка кружева, а дядя лапти, не языкомъ а кочадыкомъ; очей на показъ подъ лобъ не подкатывай, да въ тихомолку сосѣду носка не подставляй; такъ святъ не святъ, а угоденъ будешь.

Вѣка прошлые — вѣка темные; дѣялась сказка наша на Руси во время княженія Глѣба, сына Владиміра, на Муромѣ, по недавнемъ окрещеніи великимъ княземъ Владиміромъ земли русской. Рушились кумиры, капища и требища идоловъ; государь повелѣлъ вѣровать во Единаго Бога, карающаго и милующаго, и бояться паче всего *грѣха* — и дѣды наши вѣровали и грѣха боялись. И воистину такъ быть повинно, братья христолюбивые: единъ Богъ вездѣсущъ, единъ Государь всея земли русской; а кабы и встарь да искони вѣровали крѣпчае святому изреченію сему,

то много бѣдъ минуло бы Русь нашу могучую!

Илья Муромецъ всталъ и пошелъ встрѣчать крестъ животворящій. Путемъ дорогою, поколѣ дошелъ до погоста, онъ маленько подросъ и порасправился, такъ, что подъ притолоку, не калиточную, а воротную, едва согнувшись прошелъ на погостъ церковный. Дѣло въ томъ: Ильѣ, просидѣвшему сиднемъ сидячимъ ровно тридцать лѣтъ, да вставшему нынѣ, благословеніемъ Владыки, на ноги, захотѣлось потянуться; а что, рукой ли, ногой ли потянется, то самъ повытянется, да такъ и останется. Вотъ какимъ случаемъ онъ подросъ и повыправился.

Перехристосовавшись со всѣмъ приходомъ, и поплакавъ, на радости, за одно съ родителями, Богу помолившись, ко кресту животворящему приложившись, сталъ онъ, Илья, не просрочивая часу, въ путь далекій собираться.

Купилъ онъ, такъ гласитъ лѣтопись преданія въ устахъ народа, купилъ онъ у дьячка у Ѳоки, за три деньги, шелудиваго

жеребенка; важивалъ его въ поводу сыромятномъ, по зарямъ, на луга свои вотчинные; вывалялъ его на три–девяти утренникахъ, и сталъ жеребенокъ рости не по днямъ, по часамъ, и содѣлался конемъ богатырскимъ.

Не разъ, сказываютъ, поминалъ дядя Ѳока, дьячекъ корочаровскій, спохватясь, да на коня того глядя, что напрасно ему было тёщи–просвирни послушаться, напрасно было продавать шелудиваго жеребенка, сирѣчь, коня богатырскаго; онъ бы ему самому, дьячку, пригодился: а просвирнино бабье дѣло, въ коняхъ ни толку, ни ладу не знаетъ, сама судитъ да рядитъ, дьячка, стараго коновала, съ пути, съ толку сбиваетъ.

Спросите, разудалые мои, почемъ Илья призналъ коня своего богатырскимъ?

Первая примѣта богатырскому коню, какъ ужъ и сами вы и безъ меня, разумники, слыхивали, что онъ ничего не ѣстъ, опричь ярой пшеницы: а мужичій конь, да и нашъ казачій, будь хоть атаманскій, какъ гдѣ пшеницы допадется,

такъ его разопретъ, раздуетъ и волкамъ снѣдь. Другая примѣта богатырскихъ коней: не пьютъ они воды, упиваются росою медвяною, утренней. Третія примѣта, скачетъ онъ, богатырскій конь, пышетъ поломемъ, а ржетъ словно рѣчь ведетъ. Коли вы, братья мои художественные, угораздитесь, коли раздобудете коня по такимъ примѣтамъ, такъ добыли вы коня богатырскаго.

Ощутивъ мочь и силу великую, сталъ Илья
Добывать сбрую ратную, по себѣ богатырскую.
Не пытается сокрушить онъ у булатна меча
Лезвія, а истлити пытается рукоять его.
Не нашелъ Илья по себѣ меча булатнаго:
Сокрушаются, отъ силы мышицъ его, одна за одной,
Рукояти тѣ литыя, что мѣдныя, что чугунныя.
Кинулъ онъ, Илья, мечи тѣ ребятишкамъ играть,
Кинулъ бабамъ кочаны крошить, прилавки скрести,

Старикамъ лучину щепать, рѣдьку строгать:
Самъ взялъ три полосы отковалъ булатныя,
Что полоса каждая тянула вѣсу пять человѣкъ —
Сдѣлалъ по себѣ, три стрѣлы самодѣльщины,
Раскаливъ ихъ до–бѣла, закалилъ во утробѣ
Матери сырой земли. — А одна стрѣла
Подъ черной воронью; а другая стрѣла
По булату вызолочена; а что третья стрѣла
Каратабанъ булатъ съ насѣчкою прозывается.
А самъ еще по дебрямъ пошелъ, по лѣсамъ муромскимъ,
И поймалъ гнѣдаго тура за рога, что рога у него
Словно старый дубъ, въ обхватъ толщины, выше лѣсу стоятъ;
Обломалъ онъ рога гнѣдому туру, да жилами ихъ
Связалъ китовыми, повилъ ремнями моржовыми,
Нацѣпилъ тетиву лыковую — а лыки тѣ

Надралъ онъ шелковыя, сырцовыя, да ихъ подвилъ
Конскимъ чернымъ волосомъ, изъ гривы коня,
Да коня–ль своего богатырскаго.
Онъ праща не беретъ залетнаго,
Ни чекана коннаго варяжскаго,
Ни меча того ли заморскаго,
Ниже палицы волобойныя,
Ни тое шелепуги подорожныя,
Ни щита того охраннаго;
А беретъ онъ лукъ самодѣльщину,
Да къ нему три стрѣлы завѣтныя,
А три стрѣлы неизмѣнныя,
Да за поясъ беретъ кистенёкъ сручной:
Не великъ кистенёкъ, и весь съ кулачокъ,
А и выкованъ Ильею мастеромъ
Изъ булату, изо ста пудовъ;
Да еще беретъ онъ плёточку,
Плетку шелкову, погонялочку….
Снарядившись, Илья пришелъ къ отцу, къ матери, сталъ просить благословенія на Соловья идти, на разбойника. «Государь мой батюшка и государыня моя матушка!

отпустите вы меня во славный Кіевъ градъ, Богу православному помолитися, князю кіевскому поклонитися, путемъ–дорогою съ Соловьемъ разбойникомъ поразвѣдаться.»

Ахнулъ мужичекъ Иванъ Тимоѳеевичъ, не отстала отъ него и Ефросинья Яковлева; «тебѣ ли, дитятко, съ Соловьемъ возитися, аль ты страсти отъ него не понаслышался?... Ты всталъ благословеніемъ Владыки, на ноги, оно тебѣ дѣло непривычное, такъ и думается, слышь, что всѣхъ одолѣлъ... искуси могуту свою, дитятко, ты и слабъ и хворъ!»

Тогда Илья вышелъ на Оку–рѣку, позвалъ за собою родителей, позвалъ и добрыхъ, мірскихъ, понятыхъ людей, самъ молвилъ: «Благословеніемъ Владыки всталъ я на ноги, имъ же Соловья разбойника побью и въ сѣдло второчу: а отъ меня Соловью по добру, по здорову, не отдѣлаться, на девяти дубахъ не отсидѣться! Чую въ себѣ мочь и силу великую: кабы народъ русской умудрился, со всея Руси собравшись, стать, одинъ на одинъ, на плеча мои, я бы имъ небеса

подперъ; подсадилъ бы возничимъ любова изъ нихъ на возокъ, на тоё на медвѣдицу. Кабы кто, за краемъ земли, и за краемъ моря синяго, поставилъ да вкопалъ бы столбъ съ кольцемъ, я бы землю всю съ мѣста своротилъ, и съ морями всѣми, и съ тѣми ли землями заморскими, покачнулъ бы ее въ любую сторону.» Такъ промолвивъ, перекрестился Илья, засучилъ рукава, самъ плечемъ онъ уперся въ гору каменну: сдвинулъ гору съ мѣста, спихнулъ на воду съ крутаго берега, запрудилъ Оку–рѣку, засыпалъ всю, отъ берега до берега. И по нынѣ, разудалые мои, вамъ старицу ту подъ Муромомъ указываютъ, гдѣ русло было и плыла Ока–рѣка, и куда своротила, пошла, когда запрудилъ ее, завалилъ герой Илья Муромецъ.

Гой Илья, Илья богатырь, Илья Ивановичъ! прикажи отдать ты себѣ дѣтокъ, нето внучатъ нашихъ, на выучку — а ужъ изъ насъ, горбуновъ, не бывать пути — прикажи любыхъ на отборъ привести, да поставь намъ изъ нихъ на волость по мастеру дошлому! штука разума

боится, Илья, дѣло мастера; нынѣ мы и рады–бъ въ корольки, да вишь животики коротки; и муху поймать сноровка дорога, а съ указкою межъ пальцевъ кто не книгочій? Работнику алтынъ, а нарядчику рубль — не за шило, стало быть, за правило! Поди жъ, Илья, поучи ребятъ нашихъ досужеству своему; а нынѣ у насъ въ земляной работѣ доки живутъ мужики бѣлорусскіе — да и тѣ, не тебѣ чета, чести твоей богатырской, кульками, тачками, да лопатами землицу потаскиваютъ, какъ выгонятъ ихъ добрые господа цѣлымъ селомъ, на прокатъ подрядчикамъ питерскимъ — а что имъ, бѣлошапкамъ, не то горы, пригорка любова, ни плечемъ, ни горбомъ, съ мѣста на мѣсто не передвинуть! Вѣка прошлые, вѣка темные; а чудны дѣла твои, старина святая!

Тогда родители дали Ильѣ богатырю благословеніе свое, положивъ на него заклятіе великое, и рекли: «Ступай ты, Илья, дитятко наше, въ Кіевъ градъ, Богу помолитися, великому князю поклонитися; да не ѣзди ты прямо на Кіевъ градъ, не ѣзди прямо на Черниговъ градъ; тамъ

Соловей разбойникъ путь залегаетъ и нѣтъ по тому пути проѣзду, ни проходу, ровно тридцать лѣтъ; а ступай ты, Илья, околицею: на пути всегда бойся Бога, не проливай напрасно крови христіанской и обиды добрымъ людямъ не чини!»

И видимъ мы теперь Илью Муромца, отъѣзжающаго изъ села Корочарова, не прямымъ путемъ, въ Кіевъ. Отстоявъ заутреню, принявъ благословеніе священника и родителей, вышелъ онъ на Оку–рѣку, отрѣзалъ хлѣба великъ сукрой, посолилъ его солью круто–на–круто, опустилъ въ Оку–рѣку, снялъ шапку и поклонился ей въ полпояса до трехъ разъ: «Много я тобой доволенъ, мать моя и кормилица Ока–рѣка; я сидѣлъ при тебѣ сиднемъ тридцать лѣтъ; ты вспоила меня водицею, ты вскормила рыбицею: я пришелъ милости твоей хлѣбомъ–солью поклонитися; ты неси мой хлѣба сукрой на Волгу–матушку, на земли понизовыя, чтобы хлѣбъ по нихъ уродился, народъ русскій сытно ѣлъ, да веселился!»

Свиснулъ Илья, сѣлъ, поскакалъ — только его и видѣли; а съ нимъ немного живота пошло: кистенёкъ его, да три стрѣлы завѣтныя...

Далъ Илья первой ускокъ въ полпути до Мурома; изъ подъ копыта коня богатырскаго студеной, живой ключъ ударилъ, клубочкомъ кудрявымъ выкатился и подъ гору пошелъ на Оку–рѣку; и ключъ этотъ бьетъ по нынѣ, православные, и на ключѣ томъ стоитъ часовенка, во имя Пророка Иліи.

Илья другой ускокъ далъ, стрѣлою гривистой чрезъ Муромъ летѣлъ, супротивъ монастыря Троицкаго шапку снялъ, крестнымъ знаменіемъ осѣнился; самъ взвился, что соколъ ясный по надъ горами и лѣсами, да за третьимъ ускокомъ во лѣсахъ очутился Брянскихъ, на стойбища наѣхалъ, на таборы разбойничьи.

Разгорѣлись сердца буйныя, на добычу падкія,
Узрѣвъ коня Иліи, коня богатырскаго —
Стали напускать они на Илью, на Муромца,

Выѣзжать человѣкъ по десятку, по два и по три:
Илья вынулъ стрѣлу первую, завѣтную,
Подъ черной воронью, и пустилъ онъ подъ землей ее
Самодѣльщинку — спѣла тетива у туга лука
И завыли турьи рога: стала рвать калена стрѣла
Мать сыру землю въ косую сажень, въ печатную;
Дрогнули сердца разбойничьи; что взяла ихъ бѣда
Поперегъ живота! Собирались они, разбойники,
Во единый кругъ, становились они на колѣни свои,
На колѣни непокорныя — приносили Ильѣ,
Богатырской душѣ, повинную: «Государь ты нашь
Батюшка! бери платья цвѣтнаго, каменья честнаго,
Сколько тебѣ приглянется; бери табуны
Лошадей нашихъ и все наживное добро,
Только души грѣшныя отпусти на покаяніе.»

— Добра вашего мнѣ не надобно, — держалъ отвѣтъ Илья, — Богъ съ вами; да вы кумирники, язычники, губите тѣлеса свои на этомъ свѣтѣ, а души грѣшныя на томъ; покайтесь; смиритесь, да по указу Государеву креститесь; стройте церкви, монастыри, а сами постригайтесь, да Богу молитесь.

Разбойники каялись, крестились, монастырей понастроили и Богу молились.

Еще Илья наѣхалъ желтый остовъ, костякъ богатырскій, который легко признать было по росту непомѣрному. — Илья, слѣдуя обычаю богатырскому, предалъ костякъ тотъ честно землѣ и засыпалъ курганомъ великимъ.

Есть подъ Костромой, на Волгѣ, *Кинешма* городокъ; Илья на пути своемъ освободилъ удѣльнаго князя кинешемскаго отъ Литвы; стало быть встарь было и княжество кинешемское. Илья, молвивъ: благословясь не грѣхъ, сотворилъ пошибанье великое; онъ поймалъ полководца литовскаго, стоявшаго подъ Кинешмою, отрубилъ ему голову по самыя

плеча, и войско его разогналъ кистенемъ по бѣлу свѣту, во всѣ четыре стороны. Неужели–де по воробьямъ изъ пушки палить? Князь кинешемскій, воеводы, старѣйшины и бояре вынесли ему, Ильѣ, ключи градскіе на аксамитѣ аломъ подъ златомъ сухимъ; но пастырей церковныхъ, хоругвей и креста честнаго съ ними не было; ибо кинешемцы слыли въ тѣ поры еще кумирниками и вѣровали идоламъ. На вопросъ князя: какъ могъ Илія одинъ побить несмѣтныя полчища? отвѣчалъ богатырь: «Силою православнаго Бога и во имя креста Спасителя.» Князь, воеводы, старѣйшины и народъ кинешемскій немедленно приняли спасительную вѣру и крестились.

Подъѣзжалъ Илья подъ Черниговъ градъ — подъ Черниговымъ
Сумятица — что уродъ — народъ кишмя кишитъ;
Подъ стѣнами расходился онъ, подъ раскатами, живой волной:
Бусурманы то лютые обступили Черниговъ градъ,

Во осадѣ держутъ, до тла хотятъ вырѣзать,
А и божьи тѣ церкви на дымъ пустить,
Самого–то князя живьемъ полонить.
И на ту пору за бѣду великую пригодилося:
Во Черниговѣ не великъ стрежень сидитъ, а становище
Бусурманское облегаетъ раскаты вокругъ — тутъ сто языковъ
Собиралося: съ Печенѣгами заволжскими Торки пришли,
И Хвалисы приморскіе со Болгарами камскими; Югра зарифейская,
Сомоядь со Печерою; тутъ Черемиса, Мордва, Мещера примуромская,
Угры, сосѣди Чернигову, со Казарами приволжскими,
Сурожскими и днѣпровскими; Яссы со Косогами
Горскими; — Вѣсь пришла бѣлозерская,
Меря ростовская, Ижора волховская,
Ямь, Карела, Летгола, Зимгола, Корсь, Чудь, Ливь,
Сама Литва пришла сиволапая и Хорваты карпатскіе…

Были тутъ и вымышленники приступныхъ и подкопныхъ промысловъ,
Городоимцы хитрые, со тараны, и снаряды всякими…
«Не считать ихъ всѣхъ», подумалъ Илья про себя, и по ихнему,
«По всякому, на сто ладовъ, одному мнѣ грѣшному
Не учитися; кто по песьи лаетъ, кто туромъ реветъ,
Бирюкомъ завываетъ, да медвѣдемъ приговариваетъ —
Дай, окликнусь съ ними по своему по муромски!»
Самъ другую стрѣлу завѣтную вынимаетъ,
Самодѣльщину, что чистый булатъ безъ помѣси,
Отъ угла до угла, наискось, по становищу пускаетъ —
Гдѣ твоя сила, гдѣ твоя рать бусурманская, нечистая!
Пронизала стрѣла семь царевичей, да семьдесятъ воеводъ;
Въ клочки изорвала семьсотъ есауловъ, а семь тысячей

Хорунжихъ тѣми ли побило осколками есаульскими!
Кого въ спину ногой, то спина насквозь свѣтится:
Кого въ пахъ головой, на проломъ пошла, не оглянется!
Самого жъ печенѣжскаго князя легко ранило: и головы не нашли!
Тутъ тѣмъ бусурманамъ всѣмъ за бѣду стало,
Ушли, зря побѣжали, не оглядывались.
Съ той поры Печенѣговъ тѣхъ, Угровъ, Косоговъ,
Бусурмановъ всѣхъ на бѣломъ свѣтѣ видомъ не видать,
Слыхомъ не слыхать: пометались, всѣ перекинулись:
Кто въ тура гнѣдаго, кто въ волка сѣраго, въ бирюка, въ карагана,
Кто рысью ушастою, кто порошей бѣлою, кто и сусличкомъ;
Косоги по горамъ пошли чекалами; Печенѣги за–море
Хвалынское, пѣгимъ барсомъ; Югра оленями сохатыми;

Козары приволжскіе, нырять пошли выхухолью;
А Хвалисы, на море, тюленями; а Литва, говорятъ,
Зубромъ бородатымъ по дикимъ лѣсамъ пошла;
Чудь, съ хрюкальцемъ, поплыла морскою свинкою;
А чуваши по норамъ расползлись, медвѣдками;
И всякъ языкъ при своемъ остался нарѣчіи,
И всѣ во образѣ животныхъ по дебрямъ, по лѣсамъ скитаются.

Илья, освободивши князя черниговскаго отъ бусурмановъ лютыхъ, былъ чествуемъ имъ самимъ и гражданами, какъ чествовали встарь избавителей своихъ: яствами сахарными и напитками медовыми. Илья богатырь ѣстъ не чванится, пьетъ не ломается: выпивалъ онъ кубки и рога турьи въ полтретья ведра. Первый ковшь онъ пилъ *привѣтственный*, самъ сказался князю черногорскому родомъ и племенемъ; другой ковшь онъ пилъ *заздравный*, великому князю кіевскому, и ему

черниговскому, долгая, многая лѣта; третій выпивалъ онъ *прощальный* ковшь, *благодарственный*, сказывалъ ему, князю, много княжити; самъ онъ, ногу въ стремя, на коня взвился богатырскаго, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ...

Сказывалъ я вамъ, атаманы–казаки, что выѣхалъ Илья изъ Корочарова, отстоявъ заутреню; сами видѣли вы, аль можетъ хоть слышали, какъ онъ, вашими молитвами, по добру, поздорову, путь прокладывалъ окольный, отъ Мурома, вплоть до Чернигова; такъ порадую васъ, скажу, что, полонивъ Соловья разбойника, прибылъ онъ въ Кіевъ престольный, Богу православному помолитися, князю великому поклонитися; и прибылъ онъ такъ, что поспѣлъ въ тотъ же самый день къ вечернѣ; въѣзжалъ въ ворота градскія въ сумерки, по нашему въ сутиски, подъ самый благовѣстъ вечерній и отстоялъ службу въ первомъ каменномъ храмѣ кіевскомъ, *Десятинномъ соборѣ*, и поставилъ свѣчу воску желтаго святому Василію, во храмѣ его же имени, сирѣчь, въ

первой православной церкви всея земли русской.

ДИВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Илья Муромецъ Соловья разбойника побиваетъ.

У стольнаго, ласкова князя Владиміра было пированье, почестной пиръ, столованье, почестной столъ; триста варъ меду повелѣлъ князь къ празднику наварити; пива бархатныя, сыченыя; сусло сладкое, брагу и меда ставленые безъ мѣры обносити: самъ расхаживалъ, со душею княгинею Апраксѣевной, гостямъ дорогимъ кланялся, подносилъ ковши, подносилъ рога туриные.

А и было пированье такое, что князь солнышко, государь многомилостивый, созывалъ могучихъ богатырей со всея земли русской, съ ними же хотѣлъ въ брашнахъ и бесѣдахъ поучительныхъ тѣшиться, мужатися тѣломъ и духомъ на супостаты земли русскія.

Тогда о десную князя Добрыня Никитичъ сидѣлъ, глаголемый: Новгородскій; о шую, Александръ, съ золотою гривною; а тамъ: Иванъ гостиный сынъ; супротивъ него, великаго князя, Буслаевъ Василій, да Рахдай Могучій, ходившій одинъ на триста воевъ; тамъ Соловей Будимировичъ, Дюкъ Степановичъ, Янъ Усмошвецъ, сирѣчь: чеботарь, гроза Печенѣговъ; Волхъ Всеславичъ, Иванъ Годиновичъ, что самъ великій князь сваталъ за него, на Черниговѣ, невѣсту богатую; Гордей Блудовичъ, Чурило Пленковичъ, Алеша Поповичъ, Михайло Казарянинъ, изъ Галичья далекаго, что самъ князь кіевскій прозвалъ Удачею; Потокъ — Михайло Ивановичъ, Самсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ богатырь, сынъ Дамантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь, и Полканъ другой, да семь братовъ Збродовичей, два братца родныхъ Хопиловы, да дворянинъ Заолѣшанинъ...

Свѣтелъ, радостенъ государь Владиміръ князь,

Озирая вокругъ столы дубовые съ брашнами;
И какъ же не быть свѣтлу ему, не быть радостну,
Какъ не веселитися государю всея земли русской?

«Пейте», рекъ Владиміръ князь, «пейте, други мои, русскому убо веселіе есть пити; за столомъ подобаетъ пити, не подобаетъ же за столбомъ. А поиспивши, братія, возвеселяйтеся духомъ могучіимъ: сподвижайтеся на супостаты поганые; се братія! се есть година урочна; времени на то зовущу и Богу на то подвижущу, аки самимъ перстомъ на истое дѣло сіе показующу, иже есть: погубити враговъ старовѣчныхъ земли русскія; дерзайте! аще Богъ по насъ, никто же на ны! Больше сея добродѣтели убо ничто же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя. Братскій градъ нашь Черниговъ, иже лежитъ за два–девяносто мѣрныхъ верстъ, нынѣ во бѣдѣ велицей: множайшіе убо отъ множайшихъ бусурманъ разныхъ облегоша его; а прочее все, сотрапезники драгіе и

единоборцы, о чемъ князь мой и воевода черниговскій мя извѣщаютъ, гонца ко мнѣ наслаша, премину и оставлю по ряду глаголати, сокращенія ради; во утріе же идемъ, друзи, на Печенѣги, на Хорваты, на Торки и Болгары и всякіе иные языцы поганые, иже Черниговъ градъ облегоша... Ты, Добрыня, на тя возлагаю, утріе, *большой полкъ* мой; ты, Александре, о десную ему ходи, *полкъ* убо ти повѣряю, иже *правая рука* глаголется; ты, Рахдай, о шую иди, поведи *руку лѣвую*, едино ти убо есть, памятамися, коею дланью враги побивати своя... ты, Чурило, *сторожевой полкъ* бери, ему убо тя препоставляю; *Яртаулу*, ты, Михайло Удача, вождемъ быти имаши; а ты, Свѣтогоръ, у *наряду стѣнобойнаго*. Аще, Богу соизволящу, на сіе преблагое помощь подати хотящу, на утріе пойдемъ. А первѣе, друзи, путь проложити до Чернигова намъ подобаетъ, отъ Соловья разбойника, людоѣда того препогана, аки души своя отъ сквернъ, путь сей очистити. Воистинно убо, глаголю, соромъ есть то зельный велицей земли

русской; тридесять лѣтъ поряду рака снѣдающа на себѣ носити... кто убо, единоборцы могучіе, кто первѣе Соловья того побити возможетъ! рцыте, братья?»

На таковой вопросъ князя великаго вошелъ въ гридницу высокую бояринъ, не то окольничій; приворотники–де доложили комнатнымъ, а эти стольникамъ, что наѣхалъ во дворъ невѣдомый новый богатырь; на пиръ богатырскій просится, видѣть хочетъ свѣтлыя очи царскія; самъ сказываетъ, Соловья разбойника, дюжаго мужика, въ торокахъ везетъ.

И всѣ богатыри княжіи, за столомъ дубовымъ сидя, возговорили въ тѣ поры во единъ гласъ: что–де пріѣзжій дѣтина тотъ крѣпко завирается, коли Соловьемъ–разбойникомъ въ торокахъ похваляется...

Новопріѣзжаго богатыря позвали: Илья Муромецъ вошелъ: онъ Спасову образу молится, князю кіевскому поклоняется:

«Празднику честному златъ вѣнецъ, а хозяину свѣтлому многая лѣта! Бьетъ челомъ тебѣ, великому князю кіевскому, сынъ твой Глѣбъ, князь на Муромѣ; бьетъ

челомъ тебѣ, Равноапостольному*), святая церковь наша и весь православный людъ; бьетъ челомъ поземно рабъ твой Илья; пришелъ онъ изъ Мурома изъ далекаго, святому Кіеву помолитися, князю земли русской поклонитися, хочетъ видѣть свѣтлыя твои очи царскія; кланяется пресвѣтлости твоей Соловьемъ разбойникомъ, заживо полоненнымъ!»

И всѣ богатыри княжіе возговорили во единъ гласъ: что–де пріѣзжій тотъ дѣтина крѣпко завирается, коли Соловьемъ–разбойникомъ въ торокахъ похваляется...

И пошли всѣ они, и самъ великій князь, со душею княгинею Апраксѣевной на широкій княжій дворъ; подъ крыльцемъ бѣлокаменнымъ, у столба рѣзнаго, бляхами разукрашеннаго, стоитъ привязанъ за кольцо серебряное, на чембурѣ шелковомъ,

---

*) Потомство признало таковымъ Владиміра; но современники могли уже равнять перваго крестителя нашего съ апостолами. Впрочемъ — такъ ли, не такъ ли, кто не увидитъ явныхъ и умышленныхъ несообразностей лѣтосчислительныхъ, черезъ каждыя три строки на четвертой сказки нашей? Развѣ Владиміръ могъ говорить этимъ языкомъ? Развѣ... словомъ сказку эту сказываетъ намъ разсказчикъ въ такомъ видѣ, въ каковомъ она перешла къ нему словесно, изустно, отъ временъ — какъ ночь темныхъ; вѣрное поличіе тогдашняго быта, сохраняется — не знаю гдѣ, только не въ памяти народной. Можетъ быть замѣчаніе это и лишнее; дѣло ясно само по себѣ, да вѣдь — почемъ знать, чего не знаешь; послѣ, на всякое чиханье не наздравствуешься, по пляскѣ на погудку не напасешься.

богатырскій конь; на немъ арчакъ орѣху косожскаго; на немъ подушка дорогой сафьянъ, подъ серебромъ, подъ златомъ кованнымъ; въ торокахъ, при задней лукѣ, виситъ, перекинутъ на лѣвую сторону, приземистый мужичина дюжой: голова у него широкая подъ русской стрижкой, глаза врознь глядятъ: одинъ на Кіевъ, другой на Черниговъ смотритъ; рыжая борода ежемъ стоитъ; вмѣсто рукъ, да ногъ, лапы коротеньки, да рысьи когти на нихъ, и всѣ четыре лапища у него въ кучу собраны, сыромятныя запястья, словно путлища, наложены, туго–на–туго къ задней лукѣ притянуты. А и самъ мужичина виситъ травянымъ мѣшкомъ, въ три дуги согнутъ, корчагою... на немъ армякъ тонкій, верблюжій, косой воротникъ сухимъ златомъ шитъ по червлену бархату; полы отворочены, за поясъ заткнуты шелковый; рубаха александрейки, красная; чеботы сафьянные, шапка соболья круглая, татарская, да рукавицы за поясомъ; а верхняя губа на кляпышкѣ, бичевкой

скручена, какъ злымъ жеребцамъ коновалы ярославскіе храпъ завертываютъ.

«Не хорони рыло–то», молвилъ ему Илья, «не бось, не трону: аль боишься духу православнаго, какъ чортъ ладону? обернись сюда, косой, покажи царской свѣтлости лѣвое око свое!»

А Государь ласковый тогда спросилъ Илью: «ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ; и по имени можно тебѣ мѣсто дать, по отчеству пожаловати!»

— Зовутъ Ильей меня, сынъ я Ивана Тимоѳеева,
Муромскаго, села Корочарова. А я сиднемъ сидѣлъ
Сидячимъ тридцать лѣтъ: не во снѣ, на яву сталъ видѣть я
Соловья разбойника: ни спать, ни ѣсть не даетъ,
Ниже молитвы прочесть: въ очью диво совершается,
Соловей передо мной, что свѣча горитъ; и куда–куда
Ни поведу очами, крестъ сотворивъ, — а онъ тутъ какъ тутъ.

Ужъ я–ль къ лѣву оку не приглядѣлся его, я–ль къ посвисту его
Соловьиному не прислушался, всталъ да пошелъ,
Въ путь снарядился, къ матери, къ отцу благословенія–для
Въ ноги пошелъ поклонитися: не бывать пути,
Не бывать добру, и въ добрыхъ дѣлахъ, коли нѣтъ на то
Святой воли, воли родительской!
Положили на меня они великъ зарокъ: не ѣздить прямо
На Кіевъ градъ, на Черниговъ градъ; и поѣхалъ я
Околицею; гдѣ, гдѣ не бывалъ, а Соловья не миновалъ;
Съѣхалъ его, что медвѣдя въ берлогѣ, на гнѣздищѣ дубовомъ... —

Соловей разбойникъ сталъ въ торокахъ храпѣть, да покачиваться.... «Смирно, ты! травяной мѣшокъ! я тебя не такъ скручу, самого въ арканъ совью; я тебя, волчья снѣдь, всего на ремни сыромятные изрѣжу;

ты у меня, косой губанъ, мірякомъ не прикидывайся!

За Черниговымъ наѣхалъ я попрыски богатырскіе:

По нимъ пустился я во лѣса брянскіе, на грязи топкія,

Ко твердымъ мостамъ калиновымъ, къ заростямъ

Малиновымъ, на тоё на рѣку, на Смородинку.

Соловей не допустилъ меня двадцати верстъ, свистнулъ онъ

По соловьиному... а другожды, не давши подъѣхать

Десятка верстъ, заревѣлъ, не своимъ онъ голосомъ,

По туриному, не то слышь, взвылъ по звѣриному.

Конь было мой, богатырскій конь, окорачился,

Да я плеточку на него припасъ, плетку шелкову

Погонялочку. Соловей свистнулъ да и въ третій разъ:

А за первымъ разомъ, листъ съ сыраго бору посыпался;
За другимъ разомъ, клубомъ всталъ и съ сырой землей
Въ очи бьетъ; а за третьимъ разомъ, снова стелется,
На него, что на перину мягкую, дубы съ соснами
Макушками преклоняются, а сырой пятой
Въ мать сыру землю упираются... либо кряжъ угломъ,
Либо съ корнемъ вонъ.... и не стало мочи у коня моего
Богатырскаго; то ушами прядетъ, то на вѣтеръ фыркаетъ,
То упрется, словно вкопанный, самъ какъ листъ дрожитъ.
Надрывается Соловей сбить меня посвистомъ —
Самъ присѣлъ въ гнѣздѣ, на девяти дубахъ, лѣвымъ окомъ своимъ
Изъ подъ шапки чрезъ край гнѣзда поглядываетъ,
Самъ отъ солнышка его краснаго отворачиваетъ.

Я вынулъ, взялъ стрѣлу третію, завѣтную,
Что подъ златомъ самороднымъ словно жаръ горитъ —
подъ гнѣздо соловьиное
Соловья прибралъ*), и пустилъ я, противъ солнца заѣхавъ,
Самодѣльщинку, пустилъ на полтретья вершка съ осьмухою,
По надъ мѣстомъ причиннымъ; по надъ лѣвымъ глазомъ его:
Ослѣпило жаромъ золотымъ причинный, лѣвый глазъ:
Соловей разбойникъ
Одурѣлъ совсѣмъ: поднялъ голову, сидитъ на дубу,
Что глухой тетеревъ; сидитъ, ошалѣлъ, волчья снѣдь,
Травяной мѣшокъ, что болванъ обтяжной, что набито чучело.
А и я тогда наскакалъ на него, да и съ дуба сбилъ,
Со гнѣзда плетью его; свалился онъ, что овсяный снопъ,

---

*) Соловей — Dietrich — ключъ, подходящій ко всякому замку, отмычка.

Я храпъ скрутилъ ему, чтобы не шалилъ, не посвистывалъ;
«Да ты бы», говорю, «волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Бокъ и жохъ выкинулъ: отсидѣться ль, нѣтъ ли тебѣ
Отъ меня на тѣхъ на девяти дубахъ?» Самъ въ сѣдло его
Въ торока второчилъ, да свѣтлому князю кіевскому,
Тебѣ, ласкову солнышку, высокому, пришелъ Соловьемъ
Разбойникомъ поклонитися, да ударить челомъ.

— Обернись сюда, губанъ косой, покажи царской свѣтлости лѣвое око свое! вишь, дубовина, бородой обросъ, не слышитъ! обернись, говорятъ, рыломъ–то сюда! Э, да ты видно въ кучерахъ не бывалъ еще, и руки не знаешь! тебѣ говорятъ, лѣвое око покажи!

— Еще раззорилъ я по пути становища, притоны разбойничьи, палаты Соловья и весь родъ его! Какъ сталъ подъѣзжать къ тѣмъ палатамъ я — а дворъ весь обнесенъ у

него, замѣстъ тына, копьями, а на копьяхъ тѣхъ головы натыканы люду православнаго — сталъ подъѣзжать, завидѣла меня дочь Соловья меньшая: свиньи хрю, поросята хрю; «вонъ», говоритъ, «ѣдетъ батюшка нашъ, мужика олуха въ торокахъ везетъ....» а и средняя, взглянувъ, молвила: «никакъ–де ѣдетъ онъ да двоихъ везетъ!...» Тогда старшая, подошедъ къ окну, заплакала: «дуры, дуры вы, сестрицы мои, то–то молодо, молодо, зелено; это ѣдетъ богатырь чужой, да отца нашего, батюшку, дорогаго родителя, безчестно полонилъ, въ торока ввязалъ....»

Тогда мужья ихъ снарядилися въ доспѣхи богатырскіе, шли на встрѣчу пріѣзжаго молодца, на выручку дорогаго тестя своего.... но увидѣвъ ихъ, Соловей возговорилъ: «Ой, вы, любезные зятья, не ходите вы, не безчестите роду нашего, племени, не позорьте сами себя; просите–ка лучше могучаго богатыря къ намъ, во палаты каменны, сажайте его въ красный кутъ, чествуйте всѣмъ, что Богъ послалъ; клоните буйны головы предъ нимъ ниже

могучихъ плечъ, клоните ниже пояса, бейте поземно челомъ — выносите, что любова, дорогова у васъ есть, да просите, кланяйтесь, чтобы миловалъ!» Зятья повиновались приказанію сему, и Илья, молча, ѣхалъ за ними вслѣдъ. На воротахъ ограды внутренней соловьинаго двора сидѣли три дочери Соловья разбойника: у двухъ, вмѣсто самопрялки, по самострѣлу, а третья подняла на цѣпяхъ подворотню желѣзную и ждала проѣзда Ильи Муромца.

Увидѣвъ это, Илья спросилъ Соловья: который у него любимый зять? «Вотъ этотъ», сказалъ Соловей, «что на меньшой дочери женатъ!» — Велижъ ты ему припасти по мѣшку на брата! А который у тебя ледащей всѣхъ? — «Вотъ этотъ, что на старшей женатъ.» Илья ухватилъ ледащаго зятя того за ноги, и сказавъ: «послать же чорта за сатаной», да «вашу сестру вѣдьму, на отмашь бьютъ», махнулъ его чрезъ ворота, сбилъ долой трехъ дочерей разбойничьихъ, а объ немъ, объ зятѣ, и поминъ простылъ! Самъ же Илья приговаривалъ: «ваше бабы дѣло избы

мести, заходы скрести; знали бы свое кривое веретено!» Самъ взялъ разсажалъ ихъ, двое–по–двое, каждую съ мужемъ своимъ, въ три мѣшка и закинулъ, какъ ледащихъ щенятъ, въ рѣку Смородинку.

Тогда уже вышла сама жена Соловья разбойника, и высылала девять сыновъ своихъ съ дорогими подарками; а сыны, своимъ разумомъ, изъ воды да въ огонь сунулись: они оборотились въ девять вороновъ съ носами желѣзными, расклевать хотѣли Илью по волоску, по жилкѣ; «на мнѣ», молвилъ имъ Илья, «шкура и не чернаго соболя, да своя; ни шерстинки, ни волоска съ нее не отдамъ»; самъ свистнулъ, и ушелъ отъ нихъ на конѣ своемъ, не оглядывался, а отвелъ да заманилъ ихъ за три–девять земель; да тамъ ихъ и покинулъ. Тамъ–то они, въ чужѣ, ребятами перекинуться боятся, а домой пути–дороги не найдутъ, и живутъ, каждый по сту лѣтъ — а всего девять сотъ лѣтъ — во лѣсахъ дремучихъ, тѣми же воронами черными.

Великій князь пожелалъ услышать Соловьинаго свисту. Илья отпустилъ разбойнику немного губу, взялъ князя и княгиню влѣво и вправо подъ мышки, подъ шубу свою, и велѣлъ Соловью свистнуть въ малую долю свиста. Соловей свистнулъ въ полсвиста: оглушилъ всѣхъ, да съ ногъ посшибалъ. Не токмо народъ, да челядь домовая, всѣ богатыри торчмя головою попадали, да и самъ князь со княгинею едва, едва только подспорьицемъ Ильи устояли.

За такое ослушаніе Илья взялъ, сказываютъ, Соловья за ноги, да ударилъ головой о поторчину дубовую, о надолбу приворотную. Нѣкоторые же повѣствуютъ, что Илья наказалъ Соловья на этотъ разъ только пощечиною, отъ которой рыло его повернулось цѣликомъ, подъ правое ухо — что водилъ, въ послѣдствіи, привязаннаго къ стремени, за раскаты городскіе, гдѣ разная поганая сволочь и нечестивая бусурманщина собиралась осаждать первопрестольный градъ русскій, и заставлялъ тамъ Соловья свистать во всю

мочь, чѣмъ и побилъ и разогналъ скопища враговъ несмѣтныя; а потомъ уже, за другое ослушаніе, наказалъ Соловья смертію, взявъ за ноги и ударивъ головой о надолбу приворотную. Какъ–бы то ни было, но смерть и кончина разбойнику была именно такова, каковою мы ее описали.

Еще князь съ богатырями своими стоялъ на широкомъ дворѣ, тутъ глядь — налетѣлъ во дворъ, наскакалъ гонецъ князя и воеводы черниговскаго, съ радостною вѣстію объ освобожденіи Чернигова Ильею Муромцемъ.

Князь кіевскій пригласилъ Илью къ свѣтлому пиру своему, сажалъ за столы бѣлодубовые, за постланцы браные, аксамитные, шитые сухимъ златомъ, низаные скатнымъ жемчугомъ.... сажалъ на скамьи кленовыя подъ коврами кизылбашскими....

Князь и со всѣми витязями пили здравіе Ильи Муромца, сопричисленнаго отнынѣ къ богатырямъ перворяднымъ, и приказалъ

ему просить у себя, у князя, любой милости.

«Празднику честному златъ вѣнецъ», молвилъ Илья, «а хозяину свѣтлому добраго здравія, на столѣ кіевскомъ многая лѣта! Прикажи мнѣ, рабу твоему, сходить въ монастырь, въ лавру кіевопечерскую, да испросить благословенія у многогрѣшнаго дѣда моего, Тимоѳея, у схимника, старца Иларіона....»

— Прикажу сходить тебѣ, Илья Ивановичъ, — принялъ слово князь, — прикажу сходить поклонитися праху его; скончалъ убо старецъ Иларіонъ дни своя земные, преставился лѣта сего, *въ ночь на Пасху Святую на пресвѣтлое воскресеніе Христово*.

Сказываетъ намъ теперь, братья хлѣбосольные, сибирскій казакъ Кирша Даниловъ, сказочникъ и пѣсенникъ затѣйливый, какъ Илья въ другой ли, въ третій ли разъ, Кіевъ градъ отъ поганой силы, отъ Калина царя, спасаетъ. Говорить ли вамъ, не говорить ли, разудалые, по словамъ Киршинымъ? Говорить — такъ ино

не стали бы браниться; увяжется прихвостень другой, такъ отъ него, сами знаете вы, ни крестомъ, ни пестомъ не отмолишься; не говорить — не будете и знать, какимъ побытомъ дѣло сталось; не знаешь какъ и угодить.

Изъ Орды, Золотой земли, царь Калинъ подымался къ Кіеву —
Не дошедъ до Кіева за семь верстъ, становился Калинъ
У быстра Днѣпра — силы на сто верстъ во всѣ стороны;
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется, не раступится!....
Отъ пару конинаго солнце померкло; отъ духа татарскаго
Смерть православному... царь Калинъ посылалъ татарина
Съ ярлыками въ Кіевъ градъ; а и будетъ татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго: онъ не вяжетъ коня,
Не приказываетъ, а соскакиваетъ, да во гридню бѣжитъ;

Не молится онъ, и не кланяется; людей въ Кіевѣ
Ничѣмъ зоветъ: ярлыки бросаетъ на круглый столъ,
Самому князю: «Гой ты наскорѣ, князь, сдай намъ Кіевъ градъ;
Не то, Калинъ царь самого полонитъ, а и Божьи церкви,
На дымъ пуститъ»... По грѣхамъ надъ княземъ учинилося —
И заплакалъ князь — богатырей въ Кіевѣ не случилося;
А царь Калинъ подъ стѣной стоитъ... И въ тѣ поры
Василій пьяница на башню побѣгъ, на стрѣльную;
Сидитъ, видитъ, Калинъ царь; по праву руку ему
Зять Сартакъ, по лѣву руку сынъ Лоншакъ;
Взялъ Васька пьяница лукъ разрывчатой, клалъ калену стрѣлу
Пернатую, наводилъ трубками нѣмецкими;
Не попалъ онъ въ собаку, въ Калина царя, угодилъ въ зятя его

Въ Сартака того: осердился Калинъ царь, окрысился.
Насылаетъ другова татарина: чтобы выдать ему
Виноватаго... а не выдадутъ, размететъ Калинъ царь
Конинымъ хвостомъ великій Кіевъ–градъ; а и пепелъ его
Развѣетъ въ прахъ..... Какъ тутъ со страны полуденной,
Не ясенъ соколъ въ перелетъ летитъ, бѣжитъ старый казакъ,
Удала паленица, Илья Муромецъ... «Гой еси, осударь,
Владиміръ князь! и что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за уродъ неотесанный!» Подаетъ Владиміръ князь
Ярлыки ему: «Гой, Илья, Илья, пособи думу думати:
Сдать ли не сдать ли Кіевъ градъ?» — Ни о чемъ, осударь,
Не печалуйся; оборонитъ съ тобой насъ Боже–Спасъ,

А не что, Пречистый, и всѣхъ сохранитъ! Насыпай мису
Чиста серебра; а другую ты красна золота,
Третью мису скатна жемчуга; наряжайся, князь,
..... да къ Калину пойдемъ;
А дуракъ татаринъ насъ прямо доведетъ! — Что по сказанному
Какъ по писанному, взяли да пошли, и къ Калину пришли.
Сталъ кланяться Илья, сталъ рѣчь говорить: «Ты прими, царь Калинъ,
Дороги подарки князь Владиміра; а и дай намъ сроку
Поуправиться: въ три дня отслужить, что по усопшимъ, по себѣ,
Обѣдни тѣ съ панихидами — другъ съ другомъ намъ
Попрощатися....» — А выдайте мнѣ виноватаго,
Что убилъ Сартака; хочу жилы тянуть съ него.... —
«А и гдѣ жъ искать намъ того человѣка и вамъ отдать?»

Молвилъ Илья; «помилуй, Калинъ царь, да прими дары!»
Калинъ принялъ, да не честно, казну, самъ побраниваетъ;
А и сроку не даетъ ни на три часа, чтобы городъ сдать.
«Отойди жъ ты, собака, треклятый Калинъ», закричалъ Илья,
«Отойди съ татарой отъ Кіева! Охоталь собакамъ вамъ
Живымъ быть?» Тутъ Калинъ царь разсержается,
Вяжетъ Илью чембурами, плюетъ въ очи ему,
Въ очи ясныя.... и тутъ Ильѣ за бѣду стало:
«Отойди–жъ, собака, охота, аль нѣтъ тебѣ живымъ быть?»
Самъ вскочилъ Илья отъ сырой земли въ полдуба стоячаго,
Изорвалъ въ мохры чембуры шелковы, на могучихъ плечахъ,
Поймалъ татарина, что бирючемъ ѣздилъ, за ноги,

И зачалъ татариномъ помахивати: а куда ни махнетъ —
Тамо улица; а куда отвернетъ — съ переулками;
А самъ татарину приговариваетъ: «А и крѣпокъ татаринъ,
Не ломится, жиловатъ собака, не изорвется!»
А и только сталъ Илья приговаривать, оторвалась прочь голова
Татарская; угодила она по силѣ вдоль:
И бьетъ и ломитъ, и въ конецъ ихъ губитъ, что всѣ они
На побѣгъ пошли. А Калина царя онъ гнетъ корчагою,
Воздымаетъ выше головы: какъ ударитъ его о горючъ камень —
На крохи всего разбилъ! А татары бѣгутъ заклинаются:
«Не дай намъ Худай да подъ Кіевомъ бывать; неужто въ Кіевѣ
Людъ русской весь таковъ!?!» А Илья пошелъ искать товарища,
Василья пьяницу, Ваську Игнатьева; и нашелъ на кружалѣ

На Петровскомъ его — и къ князю привелъ, и виномъ поилъ,
И побратался съ нимъ.... То старина, то и дѣянье!

ДИВО ПЯТОЕ.

Илья Муромецъ Полкана побиваетъ, самъ безъ вѣсти пропадаетъ.

Тѣсно, разудалые мои, тѣсно мнѣ здѣсь про дѣла богатырскія витязей Владиміровыхъ развернутися — тѣсно перу промежъ пальцевъ, складамъ въ словесѣхъ, словамъ въ строкахъ, строкамъ на страницахъ, страницамъ двумъ тѣсно на листѣ, листамъ въ переплетѣ кожаномъ... Книжицѣ моей тѣсно будетъ на полицѣ, душно промежъ праха съ червоточиною.... Простора бы имъ, дѣламъ тѣмъ богатырскимъ, простора такова, чтобы жить въ книжицѣ, иже глаголется: Земля Русская; ходить бы имъ молвой, отъ Варяжска моря до русскаго, отъ Бѣла моря до Хвалынскаго, отъ Литвиновъ

сиволапыхъ до Колошей голопятыхъ; отъ моржа, отъ бѣлаго медвѣдя, до верблюда и до барса, до шакала горскаго; отъ зубра бородатаго до бѣлуги, до осетра, до алаго гуся и до выхухоли, а оттолѣ до бобра, до соболя осистаго....

Говорится: сказка складка, а пѣсня быль: пѣсня быль да одинокая, а сказка складка, сложена складчиною, да братчиною; пѣсню поетъ запѣвало, сказку семь колѣнъ однимъ говоромъ вслухъ начитываютъ; пѣсня дорога напѣвомъ, а сказка правдою — пѣсни ладомъ, а сказка складомъ живетъ!

Сказка русская не чета заносной, хоть бы и прикормленной, пройдется ли — ее по походкѣ знать; на коня ли сядетъ — по посадкѣ; отдыхать ли станетъ, за дѣло ли возмется — по ухваткамъ, по снаровочкамъ; дурить ли станетъ съ ребятами, опять, на первыхъ порахъ, по замашкамъ знать, по обычаю; нездоровится, такъ обмогается по своему; угодитъ въ бѣду — своимъ разумомъ изворотится... Ходить бы, сказкѣ той, ходить, да дома, промежъ своихъ,

жить — хоть у мужичка, въ лаптяхъ, не то въ портняхъ, да въ зипунѣ; у мужичка, что тяжелъ на подъемъ, на слова небогатъ, а поскрестись на полатяхъ, почесаться, любитъ, похолиться, да красное словцо погуторить; — хоть у стараго гренадера, что все заживное добро: въ сумѣ патронъ, на ружьѣ погонъ, да коли примкнутъ штыкъ, такъ и хлѣба не надо; кряхтитъ подъ ранцемъ, чуть пятки волочитъ, а отъ своего брата, краснобая, отставать не хочетъ; — хоть у купчика, что квасъ попиваетъ, кваскомъ голову смачиваетъ, квасомъ въ банѣ паръ поддаетъ; что, разжившись, сталъ брюхо отращивать, не сталъ кушакомъ подпоясываться; — хоть у коннаго вьюна, въ мохнатой шапкѣ, да въ косматой буркѣ, что кошкой вороватой подбирается, невидимкой съѣзжаетъ, соколинымъ обычаемъ грудью сшибаетъ! Не положи онъ креста на себя, не окликнись онъ русскимъ говоромъ, не поведи онъ русской рѣчи — ни во вѣки вѣковъ, по статямъ, по складу не признать землякомъ его! А къ охлестышу хохлатому,

въ чулочкахъ шелковыхъ, да, чего Боже упаси, въ душистыхъ завиткахъ — къ картавому, да къ шепелявому, и не ходи; ему и безъ тебя брыжжи крахмальные измяли, а онъ этого не жалуетъ; ужъ лучше ты иди подъ свѣтлый потолокъ; авось и тамъ найдется тебѣ полуземлякъ, да по плечу потреплетъ... А есть, атаманы–молодцы, есть промежъ бояръ высокодаровитыхъ, что убираются, какъ сказывали запорожцы, грѣшной памяти, про послѣдняго гетмана своего, что убираются *въ шпалеры*, есть истые русскіе бояре и тамъ... А узнай, поди, русскаго человѣка, того же, что въ лаптяхъ, за бороной, узнай въ звѣздахъ, да въ лентахъ; узнай, поди, съ ружьемъ, подъ Измаиломъ — не то въ нѣмецкомъ, черномъ платьѣ, въ мундирѣ обтяжномъ, на сборищѣ плясовомъ; узнай, поди, его на Терекѣ, какъ схватится съ чеченцемъ онъ на шашкахъ... А встарь, удалые мои, подавно ужъ не то, что нынѣ; вы нашихъ старичковъ, будь на пиру, будь въ схваткѣ, не гораздо за своихъ признать изволите..... подите въ грановитую палату;

тамъ наглядитесь русской старины, тамъ пахнетъ материкомъ... взгляните на двоихъ молодцовъ, что на часахъ стоятъ у бреннаго завѣта пращуровъ, у цѣлыхъ горъ кольчугъ, щитовъ и бердышей, да шлемовъ, да мечей.... не то отецъ съ сыномъ стоятъ призадумавшись, не то братъ старшій съ меньшимъ.... куда бы, кажись, дѣткамъ нашимъ гоже эдакъ убиратися!

Немного, люди добрые, осталось досказать и мнѣ, про Муромца Илію; побратался онъ, сказываютъ, да крестомъ тѣльнымъ смѣнился, съ Добрынею; съ Алешою Поповичемъ дружно жилъ; ѣздилъ съ ними, рыскалъ ровни себѣ искать, не нашелъ; водилъ онъ ихъ, указывалъ имъ гнѣздище соловьиное, на девяти дубахъ; хитро свито было, что и ни сказать, ни вымолвить. Подъ дубами подъ тѣми было, встарь, идольское капище; его Равноапостольный срылъ и раззорилъ; тутъ Свѣтовида голова; тутъ лапище людоядца Леда; тутъ съ самоцвѣтными очами башка Перуна; — а Соловей насѣлъ; знать изъ поганыхъ, прости Господи, поганецъ

былъ!... дубовые сучья въ обхватъ, безъ малаго что развѣ, толщины — а дубы эти стояли искони бѣ, — сучья тѣ съ девяти дубовъ сгребъ онъ въ кучу, свертѣлъ въ хохолъ, пригнулъ навѣсомъ, подвелъ палатями, выкинулъ стременки лыковыя, да и засѣлъ. А тамъ, какъ ужъ не стало его, Соловья, то гадовъ, сказываютъ, гадовъ расплодилось — видимо невидимо! такихъ, что поминать, такъ люди на смѣхъ подымутъ; а ино и вѣры не дадутъ. Примѣромъ сказать, тутъ трясучка, Лихоманка Ивановна, перекинувшись жабою, а хвостъ у нее, что у вѣдьмы; тутъ моровая, утицею, а голова и хвостъ змѣиные; тутъ пали, пожары степные и лѣсные, волкъ, чугунная голова, у самого изъ пасти поломя хлещетъ, очи что жаръ горятъ; тутъ голодъ поголовный, черный воронъ, у него булатный клювъ; тутъ засуха, бѣшеный песъ, рыщетъ; тутъ козелъ, конь домоваго; черная смерть, чернымъ пѣтеломъ; и кошачьи головки на курьихъ ножкахъ расхаживаютъ: тутъ сычи

и филины, тутъ нетопыри у нихъ на посылочкахъ...

Проѣздивъ съ Добрынею три мѣсяца, а кто говоритъ и пять — наѣхалъ Илья на калечище перехожаго: у него гуня, то есть сѣрмяга, въ заплатахъ, вѣсомъ въ сорокъ пудъ; шляпа въ девять пудъ, а костыль въ погонную сажень. Илья наскакалъ на него, чтобы допросить, добрый ли онъ человѣкъ, нѣтъ ли, да попытаться съ нимъ силки. «А–ль не узналъ меня?» спросилъ калечище его, «а–ль позабылъ ты, Илья Ивановичъ, какъ дядя Ѳока, дьячекъ корочаровскій, насъ обоихъ вмѣстѣ училъ грамотѣ церковной? какъ тебѣ, а мнѣ не далась она, грамота та, а вырости съ той поры, слава Богу, подросъ я, да подобрѣлъ!»

— Гора съ горой не сходится, — отвѣчалъ Илья Муромецъ, — а горшокъ съ горшкомъ въ печи, человѣкъ съ человѣкомъ на бѣломъ свѣтѣ столкнутся! будь здоровъ, Пантелейко Еремѣевъ, такъ, кажется, тебя чествуютъ?

«Такъ», отвѣчалъ Пантелейко, «такъ, Илья Ивановичъ — кланяюсь много

приснопамятной милости твоей, за непреданіе насъ грѣшныхъ забвенію... Вашими молитвами здравствуемъ, слава Богу, да вамъ спасибо. Прошелъ я нынѣ изъ конца въ конецъ бѣлый свѣтъ, и много земли русской видѣлъ: всюду народъ тебя, Илья, поминаетъ за службу твою великому князю на Кіевѣ — а я, не взыщите на мнѣ на юродивомъ, неразумномъ парнѣ, своимъ разумомъ простымъ гляжу на тебя, Илья Ивановичъ, не нагляжуся, дивлюсь — не надивуюсь: чего ты князь солнышка, государя своего и стольный Кіевъ градъ покинулъ, здѣсь безъ пути, безъ дѣла, разъѣзжаешь, подковы серебряныя сбиваешь, когда въ Кіевѣ проявилось чудище уродливо, великанище обжорливо, засѣло что ни есть въ лучшихъ палатахъ государевыхъ — чудище песъ–богатырь Полканъ Полкановичъ? У него на головѣ пивной котелъ; на котлѣ заплечики чугунные, въ нихъ кольцы литыя, желтой мѣди; глаза, хлѣбныя чаши суздальскія, писанныя; промежъ бровями ляжетъ калена стрѣла; туловище у него дубовая бочка въ

триста ведеръ, на ней обручья желѣзные; лядвія кряжи грабовые, суковатые, на плечахъ по жернову; сидитъ онъ на полу, ѣстъ онъ по быку, и ѣстъ не по людски, ниже по песьи: по туриному, жвачку жуетъ; пьетъ по котлу, да не честно пьетъ, по собачьи лакаетъ; а подносятъ ему, да кланяются самъ великій князь со княгинею... тѣмъ часомъ Печенѣги его Кіевъ градъ обступили, никому ни проходу ни проѣзду не даютъ...»

Илья, разумомъ раскинувъ своимъ, помѣнялся съ Пантелейкомъ платьями, и взявъ у него посохъ калечій, прикинулся и самъ дармоѣдомъ, христарадникомъ, изувѣченнымъ, и подлетѣвъ на конѣ завѣтномъ подъ стойбища нечестивыя, вражескія, кинулъ его, а самъ побрелъ пѣши, съ посохомъ своимъ, побираясь, да покашливая. Миновавъ такимъ образомъ, незамѣтно, стойбища бусурманскія, пришелъ въ Кіевъ градъ, подошелъ ко свѣтлому терему Владимірову, подъ оконце косящатое, и сталъ просить подаянія: «Ой, ты ласковый, стольный, Владиміръ князь,

государь–солнышко многомилостивый! сошли ты мнѣ, калечищѣ перехожему, хлѣбца сукрой; сотвори ты милостину святую, поминаючи родителей во царствіи небесномъ!» Князь и княгиня, услышавъ это, молвили ему: «Поди, убогій, взойди на широкій дворъ: приворотники доложатъ стольникамъ, позовутъ тебя во гридницу нашу свѣтлую, накормятъ, напоятъ и казной надѣлятъ.» Илья, вошедъ въ хоромы княжьи, сталъ у печи подъ полатями и глядѣлъ на Полкана Полканыча, которому подавали полдничать цѣлаго быка, подносили браги пивной котелъ, а князь со княгинею низко кланялись. Поглядѣвъ на него и упершись бородой въ посохъ свой, Илья молвилъ: «Бью челомъ поземно чести твоей, Полканъ Полкановичъ, великій богатырь; осмѣлюсь я спросить подобострастно: не изъ Печенѣжской ли земли твоя милость?»

Полканъ, сидя на полу, вытулилъ очи, золотомъ писанныя, на калеку перехожаго и отвѣчалъ: «изъ Печенѣжской»; а самъ,

принявъ за уши котелъ съ брагою, запустилъ въ него рыло и началъ лакать.

«А не видалъ ты, милость твоя, честь богатырская, не видалъ тамъ дѣда моего, по матери?» продолжалъ Илья покашливая.

Полканъ отставилъ котелъ, поглядѣлъ на Илью очами подъ сусальнымъ золотомъ, да поглядѣлъ такъ, словно пятерыхъ цѣликомъ проглотилъ да шестымъ поперхнулся — и сказавъ: «не видалъ!» продолжалъ пить.

«То–то», принялъ опять Илья слово, «коли не видалъ, такъ стало быть и не сказывалъ онъ тебѣ, чести твоей богатырской, притчи, не то присказки, не знаю какъ по вашему; дай же я тебѣ скажу: у моего у сударя, у батюшки, была обжорливая кобыла, да немного она нажила, травяной мѣшекъ, разорвало ее, волчью сыть!»

Полканъ отставилъ котелъ съ брагою и заревѣлъ: «Щенокъ! какъ я тебя ногтемъ прикрою, такъ ты у меня только щелкнешь! Я васъ всѣхъ вотъ скоро закопаю живьемъ, засыплю городъ и пригородъ бѣлымъ

пескомъ кіевскимъ!... Каковъ–то былъ у васъ Илья Муромецъ, я бы и того положилъ въ макитру, золой присыпалъ, въ табакъ измололъ, да въ одну напойку вынюхалъ!»

— Нешто, — сказалъ Илья; — надо поклониться низменно чести твоей богатырской. А спрашивалъ ты: каковъ Илья Муромецъ; да вотъ онъ каковъ: Здравствуй, Полканъ Полкановичъ! — Самъ снялъ съ себя шляпу Пантелейкину, ударилъ ею Полкана тихонько по головѣ и вогналъ ему голову клиномъ промежду плечъ въ туловище, раскололъ его, пса богатыря, на полы, какъ плаху осиновую... полилось изъ него зеленое вино, да полилося такъ, что кабы Илья не провелъ до Днѣпра борозды отводной, то затопило бы хоромы княжьи виномъ зеленымъ да брагою изъ утробы того пса–богатыря, что жвачку жевалъ, да по собачьи лакалъ; пошло на Днѣпръ зеленое вино, шло безъ малаго трои сутки: въ тѣ поры, сказываютъ, Суличи, что по Днѣпру сидѣли, да Поляне низовые, опилися; всѣ опьянѣли отъ

днѣпровской воды и пѣсни разгульныя запѣли. И вотъ съ чего днѣпровскихъ жителей вѣкожизненно на хмѣльное позываетъ; вода причиною, разудалые мои; отъ воды, братья хлѣбосольные, запорожскихъ казаковъ, отъ воды и нынѣшнихъ земляковъ нашихъ позываетъ на вино.

А туловище, остатки пса–богатыря, которое Илья называлъ: *избоиной*, шестерней изъ палатъ въ поле везли; ломоваго, извощичьяго коня запрягли въ корень, раскинувъ ноги Полкана Полкановича замѣстъ оглоблей... и вывалили его на Днѣпрѣ, въ оврагъ крутой, въ росточь, спихнули съ горловины, по обвалу — тамъ собаки по немъ тризну справили, а карги, съ ноги–на ногу переступая, приговаривали; черви до тла источили, сами на немъ перепились до пьяна!

Еще слышалъ я, разудалые, поютъ яицкіе казаки пѣсню про Илію Муромца — правду ли, не правду ли они въ пѣснѣ поютъ, а спою и я ее вамъ по ихнему. Люди

брешутъ, такъ и я брешу, говорятъ казаки кубанскіе; а своего слова къ пѣснѣ этой не прикидываю. Вотъ она:

Дотолѣ про Окіанъ–море слыхомъ не слыхать,
А нынѣ на Окіанъ–море собираются!
Собирался на Окіанъ–море новоторжанинъ,
Убиралъ тридцать кораблей безъ единаго,
Убиралъ самъ на себя соколъ корабль.
Ужъ онъ деревцы ставилъ кипарисовы,
Снасточки, бичевочки шелковы —
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныихъ.
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носъ Добрыню Никитича —
Отвалилъ съ ними соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку отъ сыпучаго,
Отъ камышику да зеленаго.
Плыли они по синю морю,

Да невзгодица прилучилася:
Сталъ бить ихъ соколъ корабль
Сизой орелъ — и отъ духу его
Нѣтъ ходу соколу кораблю;
Зарывается отъ сиза орла
Соколъ корабль во сизу волну.
И возговорилъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Ужъ ты общій, большой нашъ братъ,
Братъ названый, Добрыня Никитичъ!
Ты подай мнѣ лукъ въ пятнадцать пудъ.
Натягивалъ Илья свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
Убивалъ сиза орла подъ право крыло,
Подъ право крыло, въ ретиво сердце.

И поплылъ соколъ корабль и миновалъ, по милосердію Божію, по богатырскому досужеству Иліи, миновалъ бѣду мало–мало что ни неминучую; а унесъ бы его сизой орелъ подъ облако, не то загналъ бы на самое дно Окіана–моря, гдѣ темь зеленая съ багровымъ просвѣтомъ въ гулючки играютъ, гдѣ простору много, да

духу перевесть, сказываютъ, негдѣ. Чему смѣетесь? не вѣрите? Заручиться, братья, не заручусь ни на чемъ; а пою пѣсню эту съ яицкими казаками и дивуюсь Ильѣ Муромцу, который, стало быть, первый пустился, вмѣстѣ съ Добрынею, на Окіанъ–море, и пустился въ такую годину, когда и слыхомъ не слыхать было про то, что есть на бѣломъ свѣтѣ Окіанъ–море; а знали только на Руси: море Варяжское, Туманное, либо Русское, да Хвалынское, да славное озеро Мойское, съ плавнымъ Волховымъ, перворѣчье Днѣпръ, да Влагу рѣку, сирѣчь: *мокрую*, прозванную послѣ *Волгою*.

Сказываетъ намъ еще сибирскій казакъ Кирша Даниловъ, что Илья полонилъ въ ордѣ жеребца, у Тугарина Змѣевича, и жеребецъ тотъ, Воронко, добѣгалъ изъ Кіева до Чернигова, два девяносто мѣрныхъ верстъ, промежъ обѣдни и заутрени; но неизвѣстно намъ, гдѣ проживалъ Илья, когда не бывалъ на службѣ государевой, въ Кіевѣ, или же разъѣзжалъ по бѣлу свѣту — неизвѣстно, имѣлъ ли онъ гдѣ постоянное

жилище, домъ и домочадцевъ, хозяйство и хозяйку, было ли у него ребро свое, сирѣчь: сочетался ли онъ бракомъ, или же умеръ одинокъ — знаемъ только, что въ одну изъ поѣздокъ съ Добрынею, переѣхалъ онъ бродъ на Сафатъ–рѣкѣ, наѣхалъ Збута Бориса королевича, который отпускалъ на волю выжлока во темны лѣса, ясна сокола за сине море, сказывая, что ему не до нихъ теперь. Съѣхавшись съ Ильею, сталъ онъ стрѣлять его, стараго, во бѣлы груди; Илья схватилъ Збута Бориса королевича, метнулъ его въ гору, подхватилъ опять на руки богатырскія и, положивъ на сыру землю, допрашивалъ о дѣдинѣ его, объ отчинѣ, и услышавъ, что онъ *«короля Задонскаго»,* заплакалъ на свое *чадо милое* глядя, и отпустилъ домой, съ поклономъ къ матери; когда же Збутъ Борисъ королевичъ разсказываетъ матери своей объ этомъ, и какъ онъ на потѣшныхъ лугахъ Владиміровыхъ наѣхалъ въ чистомъ полѣ *стараго*, какъ стрѣлялъ его во бѣлы груди, тогда его матушка разилась о землю, во слезахъ не можетъ слова вымолвить;

«почто», говоритъ, «напущался ты на стараго? Не надо было тебѣ съ нимъ дратися, надо было съѣхаться во чистомъ полѣ, надо бы тебѣ ему поклонитися о праву руку до сырой земли: онъ по роду тебѣ *батюшка,* старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!»

А вы, умницы, что глядите, будто не дослушали? Сказка моя вся; а кто была задонская царевна, этого я не знаю.

А что, кабы и нынѣ такіе женихи добрымъ дѣвушкамъ попадались? Есть они и нынѣ, умницы; подите, подруженьки, я научу васъ, гдѣ искать ихъ: въ Духовъ день, въ понедѣльникъ послѣ Троицы, выдьте, въ полночь потихоньку на зеленую лужайку: коли небо чисто, звѣзды мерцаютъ на темномъ синевѣ, а тамъ индѣ рѣютъ и тухнутъ — а это ангелы летаютъ со свѣчами за душами усопшихъ праведниковъ — такъ обернитесь лицомъ на восходъ, стерегите, милые, во всѣ глазки, во всю думку — первая звѣздочка, что передъ вами ниткою потянется, подастъ вамъ все, чего ни пожелаете; ангелы

небесные на этомъ перепутьѣ никому въ молитвѣ его не отказываютъ — да только загадайте и думайте скоро–на–скоро: надобно и загадать, и пожелать, не давъ угаснуть канувшей звѣздочкѣ!

И такъ, гдѣ Илья еще проживалъ — гдѣ скончалъ дни свои, до насъ не дошло; а чего не знаемъ, того лучше не говорить, пишетъ сказочникъ и собиратель старинныхъ диковинъ, въ числѣ коихъ помѣщена и сказка про Илью Муромца. Муромскаго богатыря давно уже нѣтъ на свѣтѣ, да память по немъ жива; а на родинѣ его, на селѣ Корочаровѣ, и поднесь видимо лежитъ благодать Господня; о чемъ вамъ, православные, коли случится быть на селѣ проѣздомъ, всякой мужикъ разскажетъ обстоятельно.

Что жъ нынѣ, братья хлѣбосольные, бѣлый свѣтъ, земля русская, клиномъ, что ли сошлись? Негдѣ народиться, а–ль негдѣ расходиться другому Муромцу? Удалые, разудалые мои! упрись ногами въ землю сильно, разминайся въ плечахъ, да подымай голову смѣлѣй, рости, не бось, мужайсь и

духомъ и тѣломъ — простора на Руси много, и у Ласкова Солнца служба найдется; тружайся всякъ про свой пай: такъ и вы, какъ нашь Илья, спустя шесть вѣковъ, будете и жить и слыть — богатырями!